

Воровка

Автор:

Александра Лисина

Воровка

Александра Лисина

Трис и Ширра #1

Опасно гулять по неосвещенным улицам и уж тем более не стоит ввязываться в опасные авантюры ночью. Однако личности вроде меня предпочитают вести дела именно в темное время суток. Главное – не шуметь, не выходить из тени и не позволять луне светить себе в спину. Однако на этот раз мне не повезло. И вот теперь мой лучший друг отправился в мир теней, моя собственная жизнь повисла на волоске, а по моим следам идет неутомимый монстр, о котором я раньше слышала только в сказках.

Александра Лисина

Воровка

Пролог

Ларесса – удивительно тихий, спокойный город... так обычно думают те, кто попадает сюда впервые.

Да, она красива, нарядна и во всех смыслах великолепна, как и положено столице. Она буквально притягивает к себе взгляды, поражая нестерпимым блеском куполов храма Двоединого. Удивляет чистотой улиц Верхнего города[1 -

Элитная часть столицы.], количеством прогуливающихся по ним людей и, конечно же, числом экипажей, курсирующих по специально выделенным для них дорожкам. Ларесса буквально источает запах достатка и немыслимого для простого смертного богатства. Однако у таких, как я, она больше всего ассоциируется с раздражающей, поистине вечной суетой большого города, в котором жизнь не замирает ни на мгновение.

При этом Ларесса, столица королевства Симпал, безостановочно шумит исключительно днем, тогда как ночью...

Я оглядела пустынную мостовую, серой лентой отделившую два ряда роскошных усадеб за высокими заборами, оценила дрожание магических завес над каждым из домов, мысленно усмехнулась (а в парочке из них я недавно побывала!) и, убедившись, что вокруг нет ни одной живой души, незримой тенью перемахнула через главную городскую стену.

Вообще-то, считается, что эта стена, разделившая Нижний[2 - Густонаселенные, но преимущественно бедные районы столицы.] и Верхний город, неплохо защищена от подобных визитеров, но, на мое счастье, даже у грозных представителей королевской гильдии магов иногда случаются досадные осечки. Иными словами, они просто не предусмотрели такой вопиющей дерзости, как существование амулета, скрадывающего присутствие постороннего. Причем амулета старого, можно сказать, древнего, который не виден никаким магическим взором. Славная вещица...

Кстати, я не представилась. Будем знакомы, Ведьма... не в том смысле, что одаренная. Магического дара у меня как раз нет. Проверено. Но при этом я умею творить такие вещи, что иначе как ведьмой меня не назовешь.

К примеру, я очень легко меняю внешность. Не знаю почему, но мне доступен практически любой облик, который я способна скопировать, лишь единожды на кого-то посмотрев. Узнать меня сложно, поймать еще сложнее, ведь каждый день я разная. Сегодня – симпатичная беленькая мордашка с губками-бантиками и розовыми щечками. Завтра – длинноногая и конопатая выдра, умеющая срезать острым словом любого наглеца. Послезавтра – горячая брюнетка с соболиными бровями и многообещающей улыбкой... Я редко ношу одну и ту же личину больше полугода. Профессия обязывает: хорошая воровка должна быть изворотливой и неуловимой, как призрак. А моя Ведьма, смею надеяться, после десяти лет непрерывной практики все же может претендовать на это почетное

звание.

Вот и сейчас я – уже не я, а рыжеволосая бестия, бесшумно скользящая в тени раскидистых деревьев. Быстрая, ловкая и незаметная в своем черном трико с миллионом кармашков, до отказа забитых всякими полезными для работы вещами. На плечах – темная накидка, умеющая прятать ауру, на голове – низко надвинутый капюшон, на поясе – туго смотанная в кольцо веревка, а за спиной – небольшой, но совершенно необходимый для сегодняшнего дела арбалет. Совсем крохотный по сравнению со своими боевыми братьями, убойная сила у него тоже невелика, но мне большего и не нужно. Главное, чтобы докинул стрелу до намеченного места, а там я и без него обойдусь.

Мельком покосившись на небо, я удовлетворенно кивнула: хорошая сегодня ночь, то что надо. Еще час-два, и облака полностью разойдутся (если, конечно, Рум не ошибся), а луна станет полной. И до этого времени мне кровь из носу надо пересечь Верхний город, добраться до нужного места и затаиться, дожидаясь удобного момента. При этом не попасться никому на глаза, не всполошить псов по ту сторону заборов и не засветиться перед магическими охранниками вроде сторожевых призраков или чутких крысодлаков[3 - Магически выведенные существа, внешне напоминающие собаку, но с вытянутой, как у крысы, мордой.].

Мысленно отсчитывая секунды, я тенью пронеслась под заборами, хоронясь в окружающей темноте, как в объятиях любимого. Выскочила на нужную улицу. Прокралась к заранее примеченному дереву, дикой кошкой вскарабкалась наверх, стараясь не потревожить нитей охранного заклинания. После чего позволила себе перевести дух и замерла, мерно отстукивая ногтем по ближайшей ветке.

Двадцать две секунды... двадцать три... двадцать пять...

А вот и они, голубчики, точно по графику: бело-голубые мундиры патрульных мелькнули в конце длинной и прямой, как логика дурака, улицы, слегка задержались возле одного из домов, а затем начали приближаться к моему временному убежищу.

Шаг, два, пять, десять...

Я слегка напряглась, потому что это был один из самых неприятных моментов в моем плане – в городской страже, помимо обычных патрульных, в последние два года стали использовать специально обученных собак, способных доставить немало неприятностей любому домушнику. Но я не зря так долго готовилась и больше года носила невзрачную, надоевшую до безобразия личину помощницы королевского писаря. И не зря все последние месяцы каждый день оставляла под кустами на этой самой улочке вкусные гостинцы. Так, чтобы сторожевые псы накрепко запомнили: там, где есть мой запах, скоро будет вкусно и сытно. А там, где его нет, напротив, скучно и неинтересно.

За это время мне также удалось выяснить расписание всех местных патрулей, их точный состав, имена и время пересменки. С некоторыми из стражников я даже успела лично познакомиться, пока носилась по всему Верхнему городу с поручениями от старика-писаря. А еще совершенно точно знала, что сегодня на улице Роз появится десяток Торопыги Стэна, который к тому же ненавидел собак и никогда не брал в караул четвероногих помощников.

Я уже мысленно потирала руки и так же мысленно поторапливая стражников, чтобы побыстрее протопали мимо, но тут заметила выскочивший из-за угла приземистый силуэт и замерла.

Что это? Собака?! Э, нет, мы так не договаривались! Стэн, болван, ты что, в кои-то веки изменил своим правилам?!

Я присмотрелась к стражникам повнимательнее и чуть не сплюнула.

Вот невезуха. Похоже, Торопыга в последний момент поменялся сменами, и теперь вместо его болтливых оболтусов на улицу Роз явился старый ворчун Додж со своим крепко сбитым десятком.

Ну да. Вот и псина его рыщет под заборами. Здоровенная, черная, с обрубленными ушами и куцым хвостом. Свирепая и совершенно неподкупная тварь, которая почти всегда начинала беситься, когда находила в кустах мои «подарочки». Поначалу даже нос воротила, скотина, будто я ей не мясо, а жженую подошву подложила. И лишь в последнюю пару недель этот монстр смилостивился и перестал рычать по поводу или без.

Фу. Терпеть его не могу. Да и Додж тот еще «подарочек», чудовищу своему под стать. Слегка лысоватый, грузный, но еще полный сил и ругающийся, как сто портовых грузчиков. В отличие от своих коллег, этот тип каждый свой обход делал словно в первый раз и принципиально обшаривал каждый уголок. Зануда исполнительная! В то время как его слюнявый кобель успевал пометить каждый столб, словно у него не пузырь, а бездонная бочка!

Ну точно они. Тьфу. И вредная псина рванула прямиком к моему дереву, заставив меня не только застыть на месте, но и затаить дыхание в надежде, что оно как-нибудь обойдется.

– Крисп, фу! – грозным шепотом велел Додж, едва пес с довольным урчанием ткнулся носом в землю под самым деревом. – Крисп, етить т-тя за ногу!

До основного отряда осталось шагов тридцать. Если этот монстр не отойдет сейчас же в сторону, то Додж непременно заинтересуется. Ну же... давай, отчаливай, дармоед клыкастый.

Громадный пес звучно облизнулся и махнул обрубком хвоста. А потом выразительно закрутил головой.

– Что, мало? – беззвучно шепнула я, неотрывно следя за гадким псом. – Так у соседнего забора еще есть. Ты только повнимательней смотри и топай... топай отсюда!

Кобель, как назло, всхрапнул и, как нарочно, остался на месте, да еще и уставился чуть ли не прямо на меня. В глубине зрачков заметались желтые отсветы от фонарей, влажная пасть приоткрылась, а дыхание стало частым и прерывистым.

«Вот демон! – ругнулась я, до боли вцепившись пальцами в ветку. – Чтоб тебя исчадьё Иира[4 - Мифическое место, обиталище демонов.] сожрало и не подавилось! Оберона[5 - Ночные демоны. Очень редкая и дорогая разновидность магических существей.] на тебя нет!»

Крисп шумно втянул ноздрями воздух.

Демоны Иира! На стволе же мой запах! Я тебя, гад мохнатый, полгода кормила! По крышам лазила, чтобы ты, ирод зубастый, сегодня был в приподнятом настроении! Ты что, меня не узнал? Или решил из принципа испортить мне всю задумку?!

– Крисп, оборонова закуска! – прошипел старик Додж при виде замершего возле самого дерева питомца.

Кобель в последний раз обнюхал кору, приоткрыл пасть, словно собираясь подать голос... а потом сладко зевнул и, развернувшись, потрусил в сторону. Додж, наоборот, запрокинул голову и попытался разглядеть среди густой листвы мою сгорбленную фигурку. Какое-то время просто стоял, словно испытывая мою выдержку, но затем махнул рукой и последовал за собакой.

Когда патруль прошел мимо, я дрожащей рукой отерла выступившую на лбу испарину.

Фух. Повезло... Впрочем, ночь еще не закончилась, и мне уже пора бы двигаться дальше.

Убедившись, что больше поблизости посторонних нет, я спустилась с дерева и почти бегом рванула в сторону маячащей вдалеке стены. Нет, не городской – ту я преодолела еще раньше, чтобы оказаться в Верхнем городе. Эта стена была поменьше, поскромнее, но при этом гораздо лучше защищена, поскольку отделяла Верхний город от самого его сердца. Того места, в которое мне непременно нужно было попасть.

Хорошим темпом преодолев одну улицу, затем вторую, я нырнула в темный проулок, ведущий к ярко освещенной площади. Затем, стелясь по земле серым туманом, быстро подбежала к высоченной стене, в два счета через нее перебралась, не стесняясь ради такого случая отрастить на пальцах огромные когти, и оказалась на территории роскошного сада. Жаль, любоваться им было некогда, среди ухоженных дорожек я наверняка смотрелась как настоящее привидение. Увидь кто, и воплей будет не на одну такую книгу. Поэтому я без остановок промчалась дальше, прямо на ходу вспоминая карту, нарисованную своей же рукой, и стараясь не оставлять следов на рыхлой, недавно политой дождиком земле.

Наконец хищной волчицей прокралась через густые кусты, обогнула длинную вереницу тщательно подстриженных розариев. Перепрыгнула через низенькую ограду и, не потревожив ни единого заклятия, выбралась на задний двор, где вскарабкалась на крышу голубятни и затихла.

Все. Теперь оставалось только ждать. Долго, терпеливо... но когда собираешься обчистить королевскую сокровищницу, без этого не обойтись.

Глава 1

В темноте королевский дворец казался не просто дворцом, а древней крепостью с внушительной громадой дворцовой стены, высотой добрых четыре человеческих роста; проходящей по самому верху надежной сетью охранных заклинаний; массивными воротами; четырьмя сторожевыми башнями, откуда на раскинувшийся внизу город высокомерно поглядывает дворцовая стража. Да и внутри не лучше – бесконечный лабиринт коридоров, бездонное подземелье и собственно сокровищница, закрытая от любых посягательств всеми доступными способами.

Не будь у меня помощника, я бы не решилась на это безумие. Даже целого года, на протяжении которого мне почти ежедневно приходилось посещать западное крыло вместе с королевским писарем, было недостаточно, чтобы изучить все эти коридоры. Но помощник у меня был, да еще какой, поэтому сегодня все должно получиться как надо.

Я машинально коснулась висящего на шее амулета: крохотная капелька из серебристого металла легонько кольнула, показывая, что вокруг моей персоны нескончаемо вьются десятки охранных заклятий. К счастью, его силы хватало, чтобы защитить меня от любого магического удара. Но, к сожалению, это не будет продолжаться вечно – по словам Рума, еще год-два, и он полностью истощится, и тогда прощай, ночная жизнь. Без такого амулета я не вскрою ни один тайник, не войду ни в один приличный дом, не затаюсь ни в одной норе, если на меня вдруг решат объявить охоту. А значит, придется начинать добропорядочную жизнь, в которой мне уготован весьма небогатый выбор. Или в служанки в каком-нибудь третьесортном трактире. Или на паперть. А может, податься в жрицы Двуетного? Ах нет, туда берут только мужчин. Но тогда что?

Нацепить смазливую мордашку и искать себе богатого наследника? Начать собственное дело?

Я вздохнула и покачала головой. Нет уж. Начала птичка песню, теперь пой до конца. Может, если бы в мои двенадцать лет нашелся бы мудрый человек, решивший подобрать с улицы нищую замухрышку, все сложилось бы по-другому. Может, я и стала бы кем-то, кто приносит бы обществу пользу. Может, давно уже была бы замужем, с парой очаровательных детишек, по праздникам навещала чужих родственников и считала, что так и должно быть... Но нужного человека на моем пути почему-то не встретилось. И мне, сбежавшей из опостылевшего дома и от издевательств сводных братьев, оказалось просто некуда податься. Но я выжила. Приспособилась. И больше к тому прошлому не вернусь.

Внезапно воздух надо мной слегка посветлел.

– Ты чего так долго?! – истошно завопил мне прямо в ухо неестественно тонкий голос. – Я тут, понимаешь, все подвалы обшарил! Все закрома проверил! Все бутылки пере... ну неважно... а тебя все нет и нет! Трис, где тебя носило?!

– Рум... – укоризненно покосилась я на слабо светящееся облачко, повисшее над головой подобно божественной каре. – Потухни. Демаскируешь.

Дух-хранитель возмущенно пискнул, но так быстро, что я не разобрала ни слова. Потом пару раз угрожающе качнулся, запыхтел, засопел, но все-таки внял голосу разума (моего, разумеется!) и погас. Правда, ворчливый шепот из моей головы никуда не делся.

«Ты где застряла? Скоро луна покажется! Знаешь, как я переживал?! Беатрис...»

– Перестань, ты же знаешь: не люблю этого имени, – невольно поморщилась я, понизив голос до еле слышного шепота. – Меня просто задержали.

«Задержали ее...»

– Отстань. Я успела вовремя – тучи еще не ушли, а ждать пришлось совсем чуть-чуть. В конце концов, ты тоже приходишь ко мне только по ночам и только

ближе к полуночи.

«А я что, еще и днем не должен отдыхать?!» – возопил мой старый компаньон, от возмущения снова начиная тихонько светиться.

– Тсс... вдруг защитная сеть тебя учует?

«Меня?! Да меня и верховый маг не учует, если я вдруг решу плюнуть ему на лысину!»

– Ты не можешь на него плюнуть, – напомнила я, сосредоточенно рассматривая погруженный во тьму дворец. – Ты – дух. А значит, ничего материальнее ругательств произвести не можешь.

«Зато я умею проходить сквозь стены! И выведывать планы подземелий для одной наглой, вредной и неблагодарной девицы!»

– Верно, – примирительно улыбнулась я. – Ты у меня замечательный, я тебя уважаю и очень ценю.

«Кхм...» – Голос подозрительно затих. То ли не поверил, то ли, что вернее, все-таки перестал дуться за несколько минут вынужденного ожидания.

– Ты уверен, что он все еще там? – на пробу спросила я.

Дух тяжело вздохнул и на удивление настроился на серьезный лад. Правда, заговорил снова вслух:

– Уверен, Трис. Я три раза все облетел и проверил. Охранные заклинания стандартные, хоть и очень мощные. Коридоры полны стражи, в одной из каморок тихо спит дежурный маг. Король – на своей половине и тоже десятый сон видит. Сокровищница ожидаемо пуста, а дверь, как понимаешь, зачарована и охраняется тремя оболтусами в кирасах. Там тебе без шума не пройти, но потайной ход, как ожидалось, свободен. Правда, внутрь я с тобой не пойду – амулет и так едва дышит. Но как только найдешь то, что нужно, и выберешься, сразу вернись. Кстати, надо будет настроиться на твою новую ауру... а пока – сидим, ждем луну и надеемся, что все получится. Арбалет взяла? Веревка

выдержит?

Я смерила расстояние от голубятни до собственно дворца и кивнула. Выдержит: у меня очень легкие кости. Частично по этой причине мне так легко удастся забираться даже по гладкой стене. Когти, конечно, тоже отличное подспорье, но и вес имеет значение.

– План коридоров не забыла? Подземелье хорошо помнишь?

– Зачем мне подземелье?

– Вдруг что-то пойдет не так? Тогда будешь уходить не по верху, как планировали, а низами.

– Рум, если все пойдет не так, как мы планировали, меня выловят уже через четверть часа. Даже если я сменю облик (забудем о том, что на это потребуется хотя бы полчаса), если смогу обмануть дежурного мага, если смогу избежать встреч с дворцовой стражей, то не думаю, что успею стряхнуть крысодлаков со следа. А их, как ты говорил, рядом с сокровищницей полно. Причем не исключено, что не только их. План я помню – ты сам заставил меня вызубрить его наизусть. Не волнуйся, ничего я не забуду, даже если за нами вся королевская гвардия кинется в погоню.

– Нам нужен этот амулет, – буркнул Рум, невесомым облачком вспорхнув на мое плечо, и тихо звякнул серебряной цепочкой, на которой покачивалась тускло блестящая капелька артефакта. – Этот стал слишком слаб, он меня плохо держит. Поэтому нам срочно нужно новое местоположение. Если ты, конечно, хочешь, чтобы я к тебе по-прежнему приходил.

– А ты сам этого хочешь? – против воли заинтересовалась я. – Мне всегда казалось, что духи-хранители стремятся уйти обратно... ну куда вы там уходите... Зачем это тебе?

Мое ухо поколебал легчайший вздох.

– Я привязан к тебе до самой смерти, а амулет – как путеводная нить, по которой я нахожу тебя в этом мире. Если его не будет, мне станет трудно и... знаю,

знаю... не смотри с таким выражением! Да, мы с тобой это уже обсуждали. Да, ты мне уже предлагала! Я помню. Ценю твою щедрость. И возмущен твоей вопиющей неблагодарностью! Но нас слишком тесно привязали друг к другу, так что не мечтай: даже твой отказ ничего не изменит.

Я только вздохнула. Но Рум был прав – его душу навеки привязали ко мне, не спрашивая на то согласия. Правда, кто это сделал, зачем и почему, не знает ни он, ни я. Я вообще не помню, что со мной было до пяти лет. Ни откуда взялась, ни как меня звали, ни кто мои настоящие родители... абсолютно ничего. Чистый лист бумаги, которого еще не успели коснуться чернила.

Единственное, что известно точно, – висящий на шее амулет был у меня с самого рождения. Как и Рум. Эдакий привет из прошлого, которому мы с ним нашли только одно, не самое мудрое применение – вскрывать магические ловушки и прятать нас обоих от магической слежки по завершении каждого дела. А Рум и вовсе последние десять лет работал как шпион, наводчик и предупредительная сирена в одном лице, которая, кстати, не раз вытаскивала меня из неприятностей. Но когда я попыталась выяснить, зачем он мне сдался, почему амулет невозможно украсть и за каким Ииром я в таком раннем возрасте вдруг оказалась на окраине королевства... одна, в грязном хлеву, в окружении любопытных овец... испуганная и потерянная... а потом прожила в неведении первые годы своей сознательной жизни, в тоске и страхе перед отчимом... причем этот клятый дух соизволил обнаружить свое присутствие, только когда мне исполнилось двенадцать и я впервые начала пачкать белье. Да не абы когда явился, а как раз в тот момент, когда мои сводные братцы решили выяснить, какими местами прежняя девочка отличается от юной девушки...

Ну не буду утомлять никого подробностями. Просто скажу, что на мой вопрос «Почему?» этот призрачный мерзавец крайне вежливо и весьма образно послал меня в бездну.

Больше я не спрашивала. А потом и заподозрила, что он и сам не знал ответов, поэтому и не мог вразумительно объяснить, почему мой... в смысле наш... амулет по прошествии многих лет вдруг ни с того ни с сего начал утрачивать силу. Более того, пронырливый дух где-то прослышал (или вспомнил?) о каком-то сокровище, которое этот амулет могло с успехом заменить. Ворвался в комнату посреди ночи, буквально за шиворот приволок из пригорода в Ларессу. А потом целый год носился вокруг дворца, вынюхивая, выискивая, высматривая и что-то старательно выслеживая. Но поскольку делать он это мог только в лунные

ночи... в обычные он попросту не мог покинуть мир теней... то дело откровенно затянулось.

Еще у моего духа-хранителя был довольно скверный характер. Он до безумия любил бурчать, ворчать, язвить, упрямиться, возмущаться по любому поводу и вообще был весьма несдержанным на эмоции. Но со временем я научилась терпимее относиться к его недостаткам, да и он стал мне не только верным другом, но и весьма полезным помощником.

Конечно, вы скажете, что штурмовать королевский дворец при свете луны – глупо. Что надо, наоборот, дожидаться самой темной и ненастной ночи, чтобы под звуки грома и шум дождя прокрасться в святая святых, и уж тогда...

Но у меня с луной совершенно особые отношения.

Нет, я не оборотень. Мой облик по ночам не меняется кардинальным образом, личина не спадает, и не появляются рога с копытами, как у демонов Иира из легенд. Нет. Просто полнолуние – то недолгое время, когда мне все удастся. Когда у меня заметно прибывает сил, когда я могу сменить личину всего за пару минут вместо обычных двадцати или тридцати. Время, когда я без труда могу вырастить себе даже такое безобразие, как настоящие рысиные когти, и с их помощью вскарабкаться хоть по отвесной скале.

Полнолуние – это мое любимое время. Час наивысшей силы. Час торжества и преображения, когда мне кажется, что я обретаю крылья и лишаюсь многочисленных масок. А еще это время, когда я могу увидеть свое отражение.

Рум, как всегда, не подвел: дворцовый сад оказался девственно чист. Что уж он сделал со стражами на башнях, не знаю, но факт в том, что, пока я забиралась внутрь, никто не всполошился и не завопил истошно: «Тревога, держи вора!» Вероятно, бдительные вояки сейчас мирно дрыхли на своих постах, убаюканные моим коварным другом. Умел он иногда навеять дрему, этого не отнять. Правда, ненадолго, но мне многого и не требуется – десять минут времени, немного терпения, чуть-чуть физических упражнений, и готово: я уже во дворце.

Внутри тоже особых проблем не возникло: составленная мною по указаниям духа карта была точна до последнего поворота. Я не встретила никого, кто мог

бы меня заметить. Ни разу не столкнулась с обходом внутренней стражи, никого не потревожила и незамеченной достигла нужного места. Конечно, не все прошло гладко: несколько раз мне все-таки пришлось прятаться, потому что от заспанных слуг не спасает никакая предосторожность. Человеческий фактор, чтоб его... но и тут обошлось. Один раз я укрылась за кадушкой с раскидистым деревом. Второй эпизод случился возле лестницы на верхний этаж, где пришлось юркнуть за изящную статую. А в третий раз я просто залегла под окном, не двигаясь и даже не дыша в надежде, что яркая луна даст достаточно тени моему убежищу и не позволит спешащей по своим делам служанке приметить мой скрюченный силуэт.

Однако, как я уже сказала, все обошлось, и высмотренный все тем же ворчливым духом подсвечник оказался на том же месте, как мне и говорили. Массивный, тяжелый, золотой... аж руки зачесались его свинтить, но нет, нельзя. Поэтому я обошлась тем, что просто повернула его против часовой стрелки.

Невидимая прежде дверь бесшумно провернулась на массивных петлях и приглашающе распахнула темный зев потайного хода, на который мы с Румом возлагали столько надежд. Узкий тоннель должен привести меня во внутреннее крыло и позволить выйти точнехонько к вожденной сокровищнице.

Пока все шло хорошо: дверь благополучно открылась, внутри было пусто. Правда, темно-о-о... Я осторожно шагнула внутрь, и тяжелая створка за моей спиной так же бесшумно закрылась, не потревожив ни одной ниточки заклятий, опутывающих стену невесомой защитной сетью.

Почему так вышло, что я вижу эти самые нити, не знаю. Даже Рум не может этого объяснить. Когда-то я думала, что дело в амулете, как и умение менять облик, больше подошедшее бы оборотню, магу-перевертышу или персонажам древних легенд, от которых в наше время остались лишь Летящие Пики[6 - Широкая горная гряда, по легенде - место, где обитали демоны Иира.], предания о крылатых демонах и старые сказки, которые не рекомендуется слушать на ночь. Но магом я не была - это установлено совершенно точно. Обратнем - тоже, потому как перекидывалась не в зверя, а в другого человека. Демонов в нашем мире вот уже три тысячелетия не видели. А что касается амулета, то, как потом выяснилось, он тоже не виноват: в его отсутствие мне всего лишь становится труднее меняться, только и всего. А вот способность различать заклятия никуда не пропадала, как и умение видеть в кромешной тьме или искусство бесшумного шага, без которого в моей работе просто никуда.

Что интересно, способность менять обличья проявилась не сразу, а лишь в двенадцать лет, когда сводные братцы решили попугать меня первым в том году полнолунием, затащили в сарай, связали, заткнули рот кляпом и пообещали, что эту ночь я никогда не забуду. Я тогда не поняла, чего они хотели, зато, на свое счастье, успела разозлиться. Думается, если бы я была хоть на капельку вампиром, от них не осталось бы даже воспоминаний. Если бы наоборот – тоже. Была бы эльфом, они бы меня и так не тронули: говорят, от остроухих даже редкие полукровки наследуют утонченную красоту. Но вышло не так, как в красивых романах: я всего лишь увидела на балке обычную рыжую кошку, после чего... не знаю как, но веревки я порвала в один момент. А потом расплосовала внезапно отросшими когтями глумливые морды малолетних мерзавцев. Только потом увидела, во что превратились мои руки, поняла, что мачеха не простит увечий обожаемых сыночков, а отчим завтра же выпорет на конюшне, и сбежала. А на следующую ночь услышала в голове тоненький голос Рума, повелевавший встать и немедленно идти в ближайший город...

Тряхнув головой, я отогнала непрошенные воспоминания и ускорила шаг.

Потайной ход оказался хоть и узким, но почти прямым. Вековой пыли, вопреки ожиданиям, здесь не водилось. С каменного потолка не свисали клочья паутины, воздух не был затхлым и вонючим. Зато довольно быстро я наткнулась на несколько боковых ответвлений, от одного из которых донесся гулкий смех, от второго – чей-то могучий храп, из третьего – сладострастные стоны, тогда как из четвертого... фу-у... характерный запах общественного туалета.

Рум говорил, что весь дворец изъеден этими ходами, словно огромный муравейник. И что отсюда можно попасть почти в любое помещение, кроме спальни короля, пары кабинетов и, разумеется, сокровищницы. Зато конкретно из этого хода можно было попасть в одно из заброшенных помещений, откуда очень легко проникнуть на крышу, а потом пройти до нужного места по верху и влезть в крохотное окошко, являющееся единственным способом незаконно добраться до королевской казны.

Зачем уж его сделали, понятия не имею, но Рум поклялся, что оно там есть. Разумеется, охранные заклятия стали бы непреодолимой преградой для любого вора, но именно для меня они не представляли угрозы. Поэтому, если все выйдет как надо, этой ночью мы сказочно разбогатеем.

Я мысленно усмехнулась, когда в одну из щелок впереди пробился крохотный лучик света, и, расслышав томные шепотки, подумала, что если бы вдруг захотела продавать богатым интриганам жаркие сплетни из королевского дворца, то нашла бы море покупателей. А потом мельком заглянула в естественный «глазок» и чуть не подавилась, разглядев посреди роскошно убранной спальни причудливый комок обнаженных тел. Два... нет, три голых мужика и всего две бледных девицы, у которых от стыда остались только белые тапочки, самозабвенно кувыркались на огромной постели, позабыв про честь и всякое достоинство! Одежда на полу, дорогие платья безжалостно измяты... Кажется, на одной из шпаг мелькнул даже баронский герб. А вон там, если мне не изменяет память, извивается от страсти милейшая графиня Аконтесс, которая не далее как неделю назад стала причиной дуэли двух уважаемых господ, один из которых случайно намекнул на излишнюю «телесную» доступность юной красотки. А теперь они оба... точно, эти же самые господа... вдумчиво изучали прелести означенной особы, ничуть не стесняясь присутствия друг друга!

Помотав головой, я двинулась дальше, то и дело сверяясь с мысленно вычерченной картой да стараясь не пропустить нужный поворот. Где там мой выход? А вот и он: короткий рывок еще одного подсвечника (надо будет все-таки свинтить на обратном пути), тихий шелест открывающейся двери, и вот я уже стою в какой-то кладовке.

– Апчхи! – тут же чихнула я, приложив все усилия, чтобы это получилось беззвучно. – Апчхи! Апх... чтоб вас... чхи! А еще дворец... оплот чистоты и невинности... рассадник клопов и разврата – ваш Ииров дворец... А-апчхи!

С трудом избавившись от чиха, я оглядела захламленную комнату и кивнула.

Что ж, Рум и тут не ошибся: далеко наверху, на высоте почти трех человеческих ростов, призывно лучилось лунным светом крохотное оконце шириной чуть уже, чем мои плечи. Оценив некрашенные стены, я сжала левой рукой амулет, прикрыла глаза и сосредоточилась, мысленно представляя у себя на пальцах острые, длинные когти.

Ладони тут же закололо и задергало, будто зимой, когда пытаешься отогреться с мороза. Поначалу, если сильно замерзнешь, ты словно перестаешь их чувствовать, а потом начинаешь ощущать, наоборот, слишком сильно, и это неприятно. Даже болезненно. Но в полнолуние мне такие мелочи не страшны.

Осторожно открыв глаза, я улыбнулась: вместо нормальных ногтей на моих руках красовались длинные, острые, хищно загнутые вниз когти, растущие прямо из подушечек пальцев и отливающие в полутьме серебром. Ударь такими по камню, и его разнесет в мелкую пыль, я проверяла. Надежное, опасное и очень острое оружие, у которого, к сожалению, был один существенный недостаток – долго я их удерживать не могла. Полчаса, от силы час, а потом они пропадут, и мне придется начинать все заново.

Не теряя времени, я подошла к стене и осторожно надавила на нее коготками. Камень послушно поддался напору и позволил мне сделать первую зарубку. Затем вторую, третью... Иирово племя! Давненько я не тренировалась взбираться по отвесной стене на одних когтях! Хотя я и не страдаю излишним весом, но даже свой сейчас кажется неподъемным! Двуетный, дай мне сил добраться до окна и не рухнуть на эту пыльную, грязную, невкусно пахнущую кучу, в которой наверняка притаился хоть один крысодлак! Шаг, еще один... Опереться ногами, затем еще... снова перехватить...

До проклятого окна я добралась минут через пятнадцать и, признаюсь, с немалым трудом. Не думаю, что осилила бы этот подвиг в безлунную ночь. А так и залезла, и пару минут повисела на одной руке, ругаясь сквозь зубы и на шаривая крохотный замочек у себя над головой. Наконец открыла окно и, не заметив хваленной защитной сети, благополучно выбралась на крышу.

Ну? И где тут ваша сокровищница?

Поискать мне ее, конечно, пришлось порядочно. Если бы не карта, вовсе бы запуталась, но Рум и тут не подвел – означенное окошко нашлось именно там, где он и сказал. Вот только его размеры оказались почти в два раза уже, чем в той кладовке. Да еще и ни единого выступа рядом – даже веревку прикрепить некуда. Замок, разумеется, находится внутри. Ширина отверстия всего в четыре моих ладошки, а внизу ни демона не видать. Про магическую защиту вообще не говорю – я такого сложного плетения никогда не видела. И опять возникает вопрос: на кой Иир оно, собственно, нужно, если проще было законопатить все наглухо?

Может, это обманка?

Иллюзия?

Может, внизу меня ждет совсем не то, что мы ожидали?

На мгновение замерев, я с силой надавила на виски: нет, отступить поздно. Во второй раз я не только не решусь, но и времени до следующего полнолуния будет жаль. А без него мне тут ничего не светит. Надо пробовать.

Еще раз вздохнув, кинула взгляд на крупный желтый круг над головой, прося благословения и совета, и, как всегда, зажмурилась: луна для меня – как кусок мяса для голодного оборотня. С ума от нее схожу, будто кошка по весне. И каждый раз, видя ее теплый лик, самым удивительным образом теряюсь. Куда-то плыву и танцую в ее призрачных лучах. Прямо сплю наяву. Порой даже кажется, что вот-вот полечу. Просто сорвусь с места и растворюсь в ее сиянии, за спиной развернутся невидимые крылья, в лицо ударит прохладный ветер... Всего один шаг, и земля станет быстро-быстро отдаляться, а вместе с ними – и Рум, и Ларесса, и королевский дворец...

– Кар-р-р! – истошно вякнула пролетевшая мимо ворона.

Я тут же очнулась и вздрогнула, обнаружив, что опасно близко стою к краю крыши. Всего шаг оставался до непоправимой глупости, которую я чуть было не совершила. Но, хвала Двуетидному, вовремя опомнилась. Пришлось осторожно выдохнуть и вернуться к окну, проклиная ненормальную тягу к луне. Иирово проклятие! Знаю же, что нельзя, а все равно поддаюсь на ее чары. Манит она меня, все время куда-то зовет, а я не могу. Я не умею летать. И никогда не смогу раствориться в ее танце, потому что просто не создана для этого. Потому что я – всего лишь человек. А она...

Думаю, именно она – моя будущая погибель.

подавив острое желание взглянуть на свою молчаливую покровительницу еще разок, я достала арбалет, уложила его поперек круглой рамы и, намертво закрепив веревку на стальном корпусе, осторожно спустила ноги.

Так, бедра проходят. Это хорошо. Туловище тоже. С грудью возникла небольшая заминка, но она у меня не настолько могучая, чтобы застрять, словно пробка в горлышке у бутылки.

Прошла, хвала Двуетидному. Осталось главное – ужаться так, чтобы пролезли плечи. Если пройдут они, то и голова протиснется – по крайней мере, так говорят.

Я тихо зашипела, чувствуя, как трещат меняющие форму кости, скрипнула зубами, приготовилась к боли, но больших жертв, к счастью, не понадобилось – нервный рывок вниз, тянущий к полу вес собственного тела, пара судорожных вдохов, и сквозь шум в ушах поняла: прошла. Продралась, протиснулась. После чего перевела дух и, обхватив уже нормальными пальцами веревку, торопливо съехала вниз.

Теперь осталось совсем простое – сделать несколько шагов, следуя указаниям умницы-Рума, найти нужный ларчик, открыть и, цапнув вожделенный приз, со всех ног мчаться обратно. Разумеется, прихватив по пути пару каких-нибудь сувениров.

Оказавшись на полу, я горящими глазами оглядела громадную комнату.

Ну? Не зря я сюда лезла? А то не хотелось бы... О-о-о... у-у-у... просто нет слов!

Я с восторгом оглядела увешанную дорогим оружием комнату величиной с половину мачехино дома, с сожалением покосилась на стоящие вдоль стен неподъемные сундуки, из которых, словно мед из лопнувшего бочонка, сочились нескончаемые золотые реки. Стараясь сдержать алчные порывы похватать и поскорее рассовать по карманам, с усилием отвернулась (столько добра пропадает!) и прошла мимо. А потом целеустремленно двинулась в соседнюю комнату, выискивая описанный Румом ларец.

Картины, гобелены, кувшины, безумно красивые вазы, и золото, золото, золото повсюду...

От звука плавно пересыпающихся под ногами монет моя кожа покрылась мурашками.

Двуетидный, как много... Мне до скончания веков хватит. Почему... ну почему мир так несправедлив?! Здесь так много всего, а я не могу взять больше пары мешочков! А ножи?! А кинжалы на стенах?! Там же камни в рукоятках чуть ли не с мой кулак! Продай один, и сто лет живи безбедно! И золото... золотые вазы,

чаши, столики, ларцы, подносы... дивной работы статуи и статуэтки, за каждую из которых дадут немало денежек! Даже стрелы из чистого золота есть! Да что там – ночные горшки, верите?! Драгоценные камни будто специально выставлены напоказ – по ним всю историю горных гномов изучать можно! Изумруды... небо, как мне нравятся изумруды... а вон там кучка алмазов... а в том венце у стены сплошь понатыканы рубины... просто мечта!

Дрожа от совершаемого святотатства, я даже смотреть себе запретила на несметные богатства, тысячной доли которых с лихвой хватило бы всем беднякам столицы на безбедное существование. Сглотнув, прошла мимо безумно красивых ваз времен прадедушки нашего короля. Едва не взвыла при виде невероятно крупного алмаза, что, как назло, красовался на самом видном месте. Беспрестанно вздыхая и мысленно прикидывая, что и сколько смогу рассовать по карманам и не свалюсь ли на обратном пути от неподъемной тяжести, миновала очередные двери. Ступила в третью по счету, гораздо более скромную по размерам комнатку, и незамедлительно увидела то, ради чего, собственно, пришла – небольшую резную шкатулку из красного дерева, скромно стоящую на столике возле дальней стены. Судя по рисунку и по тщательности его исполнения, делал ее настоящий мастер. Вполне возможно, даже эльф – остроухие, как известно, с ума сходят от таких изящных вещиц. Но вот над ней...

Я поражено замерла, с бешено колотящимся сердцем глядя перед собой, – поразительно исполненная картина была очень... очень стара. Но и сейчас не потеряла ни яркости красок, ни безумного накала страстей, которые неведомый художник запечатлел на холсте.

Я никогда раньше не видела подобного совершенства, как не видела странных существ, сплетенных в невообразимый клубок яростно сражающихся тел. Их было много – чернокожих демонов Иира и их вечных противниц с ослепительно белыми крыльями и невыразимо прекрасными лицами. Они убивали друг друга, повелительницы бурь и смертоносные исчадия Иира. Крылатые демоны были страшны и чернокожи, от их когтей на телах небесных дев образовывались страшные раны. Но, несмотря на это, женщины сражались отчаянно и раз за разом вонзали в мускулистые тела источающие белое пламя клинки. Очертя голову бросались в самую гущу схватки, ломая лебединые крылья, и умирали... все они безнадежно умирали. В неистовой ненависти друг к другу, в слепящей ярости – и проклятые небом мужчины, и их хрупкие противницы, которых демоны пытались уничтожить любой ценой...

И лишь в одном уголке этого кошмара не было крови. Только в одном месте не разверзлись небеса – там, где, пронзенный осколком белого меча, стоял на коленях демон с искаженным от горя лицом и держал на руках умирающую девушку с жестоко обломанными крыльями.

В тот миг красавица Миарисс была еще жива. Ее руки нежно гладили его черную кожу, по ее щекам катились слезы, а он неотрывно смотрел на нее полными боли глазами, напрочь позабыв про схватку и про бегущие по груди ручейки темной крови...

Я хорошо знала легенду о Падшем. Все мы знали ее с детства.

Говорят, когда-то в нашем мире обитало два крылатых народа. И, как это часто бывает, они издревле враждовали. И вот однажды красавица Миарисс пленила повелителя демонов. Одолела его в долгом поединке, но не убила, как остальные, а оставила для забав, но вместо этого неожиданно влюбилась. И демон, что удивительно, ответил ей взаимностью. Казалось бы, что еще нужно для красивой сказки? Вот только на этот раз счастья любовь им не принесла, а война вместо того, чтобы закончиться, лишь разгорелась с новой силой. Сестры не простили Миарисс предательства. Как не простили повелителю его слабость демоны.

Говорят, последняя битва крылатых воистину поставила точку в их непростых отношениях. И после этого не досталось ничего – ни демонов, ни их вечных противниц, ни скалистых чертогов, ни поломанных крыльев. Демоны Иира растворились во мраке времен. Повелительницы бурь тоже покинули эту землю, оставив ее в наследство людям, эльфам и гномам. Только Летящие пики напоминали о том, что все это действительно было. Да на месте той самой битвы до сих пор зияла старая, глубокая и болезненная рана, которую спустя много веков так и прозвали: Кровавая пустошь.

Оторвавшись от картины и бережно приподняв крышку шкатулки, я завороченно уставилась на второе за сегодняшний вечер чудо – крупную голубую жемчужину, лежащую внутри на красной бархатной подушечке.

Вот он, мой новый амулет. Невероятно чистый, светлый, налитый силой по самое горлышко... он так долго будоражил ум моего маленького хранителя, что это казалось невозможным, однако теперь я его понимала. Рум был прав: этого

амулета нам хватит на всю оставшуюся жизнь.

У меня даже мурашки по коже пробежали, когда я коснулась гладкого, будто отполированного бока. А потом бешено колотящееся сердце внезапно остановилось, потому что голубая красавица потеплела в ответ и окутала мои руки нежным сиянием. Это было сродни прикосновению матери, которой у меня никогда не было, как ласковые руки сестры, которой я никогда не знала. Как мягкая улыбка подруги, защитницы и наставницы. Как прикосновение родной души, которую я уже боялась, что никогда не найду.

Я, не сдержавшись, прижала обретенное сокровище к груди, баюкая и чувствуя, что она тоже ждала здесь сотни, а может быть, тысячи лет. Тихо лежала в своем убежище и терпеливо ждала, пока ее не коснутся мои дрожащие от волнения пальцы. А теперь нашла меня, увидела, признала. Точно так же, как признавала и радовалась ей я. Потому что это было действительно что-то мое, родное. Что-то ужасно знакомое, чего я никак не могла вспомнить, но откуда-то твердо знала, что теперь не отдам эту драгоценность никому и никогда в жизни. А если и отпущу когда-нибудь, то только с последним вздохом.

Сглотнув удушливый ком в груди, я сняла старый амулет с цепочки, затем подвесила жемчужину на специально выточенные в подвеске шипы. Закрепила, сжала в кулаке, облегченно вздохнула. А потом отвернулась, не намереваясь брать больше отсюда ни единого предмета. Сделала шаг к выходу и... вздрогнула, когда от противоположной стены отделилась массивная тень.

Глава 2

Поверьте, я не трусиха по натуре.

Я многое пережила в этой жизни и многое видела. Мне доводилось наблюдать, как хладнокровно вешают и на смерть забивают неудачливых воров. Как корчатся от боли новоявленные калеки, у которых королевский палач только что отрубил правую руку. Да что там! Сама когда-то стояла у плахи, с ужасом ожидая, когда на мое предплечье опустится громадный тесак. Поэтому хорошо знаю, как в такие моменты цепенеют от страха ноги, как проваливается в пятки сердце, холодеют пальцы, а перед глазами в один миг проносится вся недолгая

жизнь. И еще лучше знаю, что таким, как я, помощи ждать просто неоткуда.

Однако сейчас, стоя посреди роскошных гор злата и королевских шелков, среди нестерпимого блеска драгоценных камней, в оцепенении наблюдая за тем, как из мрака вырастает массивное мускулистое тело, наполовину скрытое широкими черными крыльями... я, к своему стыду, совершенно искренне пожалела, что между нами не оказался какой-нибудь дурной принц с мечом наперевес и длинной пафосной речью. Невесть откуда взявшийся герой. Еще один такой же вор. Да кто угодно, кто хотя бы на мгновение смог приостановить выползшее из мрака чудовище.

Все остальное произошло в считанные секунды: я судорожно вздохнула и отшатнулась, боясь даже взглянуть на то, что таилось в темноте выше массивных плеч и перевитых жилами рук с безупречно черной кожей. Неосторожно задела какой-то столик, едва не упала, а потом почувствовала тяжелый взгляд на покоящейся на груди жемчужине и сдавленно вскрикнула, потому что стальные пальцы, оканчивающиеся острыми когтями, вдруг сомкнулись на моей шее.

Не знаю, как он смог так быстро двигаться. Не знаю, откуда он вообще тут взялся. Я в тот момент вообще ничего не знала и не понимала, кроме того, что сейчас умру.

Потом – краткое мгновение беспомощности, наполненное ослепляющим ужасом; мимолетное ощущение полета; невыносимая боль в перехваченном горле и мощный удар о стену, который лишь чуть-чуть смягчил роскошный ковер.

Нет, я не упала на холодный пол – он не позволил. Кажется, просто швырнул на стену и метнулся следом, вжав меня в густой ворс и бешено выдохнув прямо в лицо.

Вот тогда я наконец-то увидела его целиком и сдавленно вскрикнула, с леденящим душу ужасом сообразив, на кого натолкнулась в непроглядной тьме королевской сокровищницы. Кто мог так быстро двигаться, безжалостно расправляясь с нарушителями вроде меня. Кто годами сторожил разбросанные повсюду сокровища и так удачно поймал очередную воровку на выходе, едва заметив мое новое приобретение... сохрани Двуетный! Но такого просто не может быть!

Я никогда не видела этих чудовищ наяву. Да и никто из живущих не видел – свои жертвы «ночные демоны» никогда не оставляли в живых. Нет, на самом деле они, конечно, не настоящие, а, скорее, тени прежних демонов, что раньше населяли наш мир. Магически созданные и призванные из небытия сущности, годные лишь на то, чтобы защищать чужую собственность. Исконные обитатели мира теней. Они – крайне дорогие и абсолютно неподкупные стражи. Готовые ищейки, не знающие ни боли, ни жалости. Способные выслеживать добычу сутки напролет и никогда не возвращающиеся к хозяину с пустыми руками. Полуразумные, неутомимые, никогда не отступающие охотники, неизменно нацеленные на убийство...

Оберон тихо зарычал, обдав меня еще одной волной горячего воздуха, а я мысленно взвыла.

Но ведь так не должно было быть! Они никогда не служили охранниками! Они – ищейки! Преследователи! Загонщики, нацеленные на поиск и поимку самых опасных преступников! Их никогда не использовали в качестве сторожевых псов... господи, раньше не использовали! Раньше! Но выходит, хотя бы одного все же научили покорности. Посадили на цепь, заперли в этом склепе и оставили ждать свежего мяса. На мое несчастье.

«Три-и-ис! – неожиданно громко взвыл в голове знакомый голос. – Трис, прочь оттуда! Беги! Это же...»

Оберон коротко рыкнул, заставив меня похолодеть от страха, и истошный вопль Рума как отрезало. У меня внутри все заледенело от жутковатой мысли, что этот монстр не только все слышал, но и каким-то образом сумел нарушить нашу связь. Да еще и жемчужина поблекла, похолодела, будто тоже говоря: он убьет вас обоих, если только захочет. И я верила. Именно сейчас верила во все, что говорили про этих магических тварей.

Я беспомощно застыла, не в силах отвести взгляда от его страшных глаз. Не знаю, было ли у него настоящее лицо, или это – просто пустая маска. Зато глаза его до самой смерти не забуду – крупные, неподвижные, слегка раскосые, абсолютно черные и полностью лишённые белков. И сейчас эти глаза с яростью смотрели мне в лицо. Неотрывно буравили, проникая под все мои маски и личины, отбрасывая их в сторону, как ненужную шелуху. Прямо в душу смотрели и... ненавидели. Да, пожалуй, это верное слово. По-другому я не смогла бы описать чувство, которое там плескалось. Он ненавидел меня сейчас – за долгое

ожидание, за украденную жемчужину, за попытку вспороть его предплечье невесть откуда взявшимися когтями, и даже за мое белое от ужаса лицо, на котором вдруг проступили совсем другие черты...

Мне никогда в жизни не было так страшно, как сейчас. Казалось, сама ночь смотрит на меня этими жуткими глазами. И в этот самый момент я неожиданно поняла, отчего оберонов считают самыми страшными творениями гильдии магов – с таким противником невозможно бороться. Накатывающие от него волны ужаса сминали мою волю, заставляли цепенеть и застывать в полной беспомощности.

Я обреченно сглотнула.

Оберон в ответ довольно заурчал, наслаждаясь выражением страха в моих глазах. А проклятая луна, словно издеваясь, выбрала именно этот момент, чтобы во всей красе показать, как будет выглядеть моя смерть. Луна некстати выглянула из-за туч, подмигнула желтым зрачком, щедро пролила свой свет внутрь разграбленной сокровищницы. Одновременно высветлила мои руки до состояния снежной белизны, наглядно показала острые когти, впившиеся чуть ли не до основания в могучие предплечья оберона... его массивную фигуру со сложенными за спиной угольно-черными крыльями... мощный торс, разметавшиеся по плечам черные волосы... играючи мазнула по нашим лицам, насмешливо высветила в опасной близости друг от друга две пары непроницаемо черных глаз...

Демон, во всей красе рассмотрев мои странные радужки, оскорбленно взревел и, будто обжегшись, шарахнулся прочь от лунного света. Я, задыхаясь, рухнула на колени. А снаружи, услышав неясную возню, наконец-то зашевелилась стража.

– Что это было?

– Иир знает... ты слышал?

– А ты?

– Д-да, – донеслись до меня, как из-под толстого одеяла, чужие голоса. – Там кто-то есть. Открывай давай.

– С ума сошел?! Там же крысодлаков целая стая!..

Я сипло прокашлялась и на дрожащих ногах поднялась, смутно дивясь, что король решился на такую дурость, как посадить в одну большую клетку оберона и живых крысодлаков. На ужин ему, что ли, оставил? То-то я до сих пор ни одного из них не заметила!

От дальней стены, отделенной от меня ровной полосой яркого света из потолочного окна, донеслось полное ненависти рычание, напомнившее о более насущной проблеме. Следом докатилось такое же яростное шипение, но заступить за невидимую границу оберон не посмел. Только сверлил меня из темноты жуткими глазами и царапал пол острыми когтями на ногах.

Странно, я всегда думала, что они лишены каких бы то ни было эмоций, а этот просто переполнен силой и такой же неудержимой яростью. Только тронь ненароком, и она тут же выплеснется наружу. Просто сплошной комок ненависти и злобы, а не магический сторож – настоящий, живой, будто демон Иира во плоти.

Я инстинктивно вжалась в стену, не слыша угрожающего бряцанья засовов снаружи, зато торопливо отрачивая когти на обеих руках. Потом упруго присела, при этом пристально следя за противником. И приятно удивилась, что вот так, вдали от него, опасное оцепенение с меня слетело, а мысли помчались четкие и ясные, ничуть не затуманенные страхом или паникой.

Луна – вот мое спасение, и я это отлично понимала. Оберон отчего-то не рискнул пересечь столь важный для меня круг света. Держится в тени, словно лунный свет его обжигал или, быть может, ослаблял. А значит, луна и дальше его задержит, не даст ему возможности меня перехватить. Надо только правильно выбрать время и место для рывка.

– Да живее ты, муха! – взревел за дверью кто-то из стражей. – Замерз? Засовы разучился двигать? Че ты прилип к нему, как к бабе?! Да шевелитесь, болваны! Чтоб вас демон сожрал!..

У меня против воли вырвался истеричный смешок – давайте-давайте, мальчики. Вот он, ваш демон, стоит у самой двери и терпеливо ждет, пока в гости пожалует столь чудная закуска. Хор-рошая, мускулистая, питательная такая

закусочка...

Оберон как подслушал мои мысли – на долю мгновения отвел взгляд в сторону, поморщился от слишком громкого скрежета петель, а потом тут же вернулся ко мне. Но поздно: когда надо, я тоже могу двигаться очень быстро. И справедливо полагая, что второго такого шанса просто не предвидится, прямо с места совершила головокружительный прыжок. Без преувеличения, свой лучший прыжок за долгие годы практики – игнорируя повисшую веревку, я стрелой взлетела вертикально вверх, уподобившись гигантскому кузнечнику. Едва коленки не вывернула наизнанку, потянула жилы, чуть не надорвалась, но все-таки дотянулась до потолка и со всего маха обрушила мощные когти на каменный свод.

Что при этом подумал оберон, меня не волновало, а вот внезапно наступившее молчание, ознаменовавшее собой открытую дверь и посеревшие от страха физиономии стражников, здорово напрягало.

Оберон не стал ждать, пока у незадачливых охранников прорежется голос – снова взревел так, что поврежденный мной потолок не выдержал и просто рухнул вниз. Кстати, довольно удачно: прямо ему на голову. Если точнее, со всего маха шарахнул по темечку, оборвав бешеный рев и вынудив оберона издать странный булькающий звук. Жаль, не пришиб до конца.

Я же тем временем подтянулась и быстрее молнии выскочила на покатую крышу, не дожидаясь, пока он придет в себя. После чего перекатилась на бок, кинулась к открытому окошку, схватила дождавшийся своего часа арбалет, быстро перевязала веревку и, почти не целясь, выстрелила.

Стальная стрелка обиженно взвизгнула и исчезла из виду, увлекая за собой веревку. В тот же момент крыша под моими ногами завибрировала от рева взбешенного демона, следом раздался истошный вопль сразу из двух... нет, уже из трех глоток, оборвавшийся на особо трагичной ноте. Потом донеслись смачные звуки, будто надвое разрывали мокрое полотнище. Чей-то придушенный стон, новый крик, звук упавшего тела...

Но я не оборачивалась – убедившись, что арбалетный болт вошел в стену, а веревка держится достаточно крепко, молниеносно закрепила ее на крыше и устремилась к замаячившей свободе. Руки так и замелькали перед глазами,

перебирая веревку со скоростью, достойной бегового паука, ноги от них ничуть не отставали. Легкое тело почти не натягивало тонкий канат, а вожденная стена приближалась с поразительной быстротой. Я даже понадеялась, что успею, но, похоже, не свезло: в какой-то момент крыша за моей спиной буквально взорвалась, выпуская на волю самое страшное существо нашего мира – оберон в три могучих взмаха взлетел над дворцом. Мигом заметил мою поспешно улетающую фигурку и, зашипев, ринулся наперерез.

Я сочно выругалась, уже не боясь никого и ничего – нечего больше таиться, все равно больше никто не уснет. В последний момент нутром почуяв опасность, буквально прыгнула вперед. Шага на четыре, если не дальше, и снова намертво вцепилась в веревку, для верности ухватив ее еще и зубами. Меня тут же обдуло холодным ветерком, острые когти легко мазнули по плечу, играючи вспороли куртку, зацепили левое бедро, но схватить и сдернуть меня с веревки оберон не успел – я оказалась почти так же скоро.

Демон, разочарованно взыв, промчался на крыльях мимо, а я облегченно вздохнула: промазал, недоумок. Одно плохо: левая нога ослабла, далеко я с такой раной не убегу. А еще в довершение всех неприятностей опасно задрожала и вдруг с тоненьким треском порвалась надвое веревка. Аккурат за моей спиной.

Похоже, все-таки зацепило когтем... проклятье!

И в этот момент оберон напал снова. Нет, вы можете себе представить?! Вместо того чтобы дождаться, пока я упаду, эта тварь набросилась на меня прямо в полете! Правда, чрезмерно торопясь, не успела выровняться и в последний миг снова промазала, одновременно толкнув меня плечом.

От могучего тычка у меня заглодело сердце, однако, как ни странно, именно это меня и спасло, потому что полетела я после этого не строго вниз, а в сторону, используя веревку, как дикари южных земель – зеленые лианы. Со свистом пролетела над дворцовым садом и только тогда сорвалась с веревки. После чего провела целых четыре секунды в свободном полете, с громко колотящимся сердцем увидела разворачивавшего для нового захода оберона, с обреченным стоном опознала в стремительно приближающейся громадине сторожевую башню. После чего со слабой надеждой выставила ладони и... со всего маха впечаталась в каменную стену.

Из груди непроизвольно вырвался всхлип, руки едва не вывернуло из суставов, ребра опасно хрустнули, но мгновенно отросшие когти не подвели – вошли в стену до упора и не позволили свалиться во второй раз.

Секунда, другая... сиплый выдох и еще более слабый вздох... никак живая?!

Спасибо, Двуетиный, вовек не забуду твоей доброты!

Я быстро обернулась и едва не зажмурилась, когда выглянувшая из-за туч луна залила весь сад мертвенно-желтым светом. Но при этом она выгнала с небес необъяснимо опасаящегося ее оберона и тем самым подарила еще несколько мгновений передышки.

Спасибо... спасибо, родная!

Пользуясь ее щедрым подарком, я торопливо забралась повыше, потом перескочила на ближайшую стену и, уже слыша позади нарастающий шум и звяканье железа, злорадно оскалилась.

Давайте, ребята, шевелитесь. Хватайте арбалеты, копья... что там у вас есть? У короля, понимаешь, оберон с привязи сорвался, так что какое вам дело до маленькой и невзрачной козьявки, которая торопится побыстрее покинуть ставший негостеприимным дворец?

Рев потерявшего меня из виду монстра наглядно доказал, что присутствие стражников его не обрадовало. Но на какое-то время они его займут. Как и он их. А мне этого времени как раз хватило, чтобы взобраться на стену и прикинуть, куда бежать.

Так. Сзади пока угрозы нет – судя по возне в дальнем углу сада, оборону сейчас не до меня, а яркий лунный свет не даст ему взлететь раньше времени. Стража тоже занята. У них там культурный шок, наверное, развился при виде вырвавшегося на свободу чудовища.

Я покосилась на центральную площадь, до сих пор залитую бледным светом магических фонарей. Но почти сразу перегнулась, сползла вниз, с трудом удерживаясь на краю, и только после этого разжала пальцы. А потом плавно

съехала, как была, прямо по наружной стене, оставляя за собой восемь глубоких борозд и отчетливый кровавый след. Как раз там, где приложилась раненым бедром.

С ветерком достигнув земли, я кое-как поднялась и, стараясь держаться в тени, похромала прочь, предварительно заправив невредимую жемчужину за ворот рубахи. Надо бы бежать, но после приземления боль в ноге резко усилилась.

Эх, как не вовремя набежали тучки... мне бы еще минутки три, до ближайшего дома как раз бы доковыляла... но нет, Двуетдинь снова от меня отвернулся, не желая уделять внимание невезучей воровке.

Тогда что остается? Правильно: где у нас вода? Нет, не в парке и не в дворцовом саду – Большие королевские пруды не справятся с этой задачей. Нужна была река. Настоящая, полноводная, через которую оберону, как говорят, не переступить. А где ее взять в торговом городе, из которого ночью просто так не выйти и где давным-давно осушили любой пригодный для ныряния бассейн? Вот именно, только под землей. Воняет там, конечно, жутко, потому что последние сто лет подземные катакомбы стали использовать в качестве главного стока для городской канализации, но мне сейчас не до жиру.

Ежеминутно поглядывая на потемневшее небо, я с трудом дохромала до конца площади и, (о чудо!) все еще оставаясь незамеченной, поспешно юркнула в спасительную темноту какой-то улочки, стараясь не слишком шуметь и оставлять за собой поменьше кровавых следов. Ауру-то оберон больше не почует – жемчужина на моей шее не позволит этого сделать, а вот запах крови его непременно привлечет. И тогда останется только молиться Двуетдиню, чтобы смерть моя была быстрой и безболезненной. Оберон ведь не отступится, не остановится и не позабудет обо мне. Он станет гнать меня всю оставшуюся жизнь, никогда не оставит в покое, будет настойчиво искать и преследовать, пока не убьет... или не потеряет окончательно.

У меня был лишь один шанс обмануть его чуткий нос – оборвать след в недрах городской канализации. Там ни кровь, ни запах уже не помогут, а медленная, но все-таки текущая вода, вобравшая в себя все мыслимые и немыслимые «ароматы» большого города, гарантированно довершит дело. Надо только добраться до нее. Выдержать. Не кричать и не привлекать внимание. Надо только добраться до ближайшего канализационного люка и кануть в безвестность, забыв про Ведьму, дворец, амулет и все на свете, искренне при

этом надеясь, что обитающие в канализации крысы, нищие и голодные крысодлаки не найдут меня раньше оберона.

Не знаю, как я дошла. Не помню, сколько это заняло времени и сколько раз приходилось замирать на месте от тихого шелеста ветра, так напоминающего шорох невидимых крыльев. Королевский дворец за моей спиной гудел, как растревоженный улей. Улицы Верхнего города уже кишели стражей, вот-вот из окон начнут выглядывать разбуженные шумом горожане...

Я даже сумела улыбнуться, сознавая, что весь поднявшийся переполох – исключительно из-за моей скромной персоны. А потом неловко наступила на больную ногу и, коротко взыв, чуть не упала. Перевязать рану, слава Двуетидному, успела в одной из подворотен, и теперь за мной не тянулся широкий след, способный навести на усталую девушку разозленную стражу. Но и идти с такой ногой становилось все труднее. Правда, осталось недалеко – до таверны безногого Стилла всего пятнадцать домов, да потом сто пять шагов по прямой, но я вовсе не была уверена, что осилю этот подвиг.

А когда все-таки осилила и каким-то чудом не попала на глаза бело-голубым мундирам, даже не поверила своим глазам – все еще живая?! На свободе?! Без привязчивого хвоста и серьезных увечий?! Задыхаясь, я буквально ввалилась в знакомый тупичок, змеей вползла под незаметный люк, скрытый от любопытных глаз огромной горой ненужного мусора. Обессилено рухнула с высоты собственного роста внутрь каменного колодца, для полного счастья крепко приложившись правым виском. Затем с облегчением проследила, как тяжелая крышка под собственным весом встает на прежнее место, и лишь тогда в изнеможении прикрыла глаза.

Успела...

Долго прохлаждаться инстинкт самосохранения мне не позволил: едва дыхание выровнялось, глаза начали сносно различать окружающие детали, а нос притерпелся к несусветной вони, как настойчивый звоночек в голове требовательно звякнул.

Я с тяжелым вздохом привалилась к влажной стене и с силой растерла виски.

Так, ладно, полдела сделано – жемчужина у меня, из дворца я выбралась и след тоже запутала. Осталось только довершить начатое и тихо уйти.

Городские подземелья Ларессы – это бесконечный лабиринт грязных коридоров со множеством уровней, в которых и старожилы справедливо опасаются потеряться. Однако Рум за последний год успел многое тут разведать и передать мне подробную карту, на которой был указан в том числе и выход из города. Правда, отменно смердящий, но центральный сток канализации в моем случае – не самый худший вариант. Так что я была несказанно благодарна маленькому проныре и клятвенно пообещала себе, что, как только он меня найдет, обязательно его расцелую. А он непременно меня найдет. Не сегодня так завтра; не завтра – так через пару месяцев. Только разыщет новый канал для связи из своего теневого мира и обязательно примчится, чтобы вдосталь поорать и всласть повозмущаться моей несусветной глупостью.

Я невольно улыбнулась и, заново перетянув бедро, поднялась на ноги, от души помянув проклятого оберона.

– Сволочь крылатая! – рычала я сквозь зубы, медленно хромая вдоль склизкой стены. – Чтоб тебе полжизни от несварения мучиться! Прибил бы сразу, Так нет же, поиграть ему захотелось, поразвлечься... у-у, крылан-переросток...

Сказать, чтобы ругань принесла облегчение – вряд ли. Но хоть разбавила тягостную тишину.

Я шла без остановок, стараясь не слишком обращать внимание на то, по чему именно ступают мои ноги и что конкретно плавает в стоячей воде. Смерд стоял невообразимый. Дышать приходилось ртом, чтобы не терзать подозрениями свой несчастный нос, а ноги ставить крайне осторожно, чтобы не свалиться в эту мерзкую жижу.

Терпеть не могу подземелья. Липкие стены, щедро засиженные жирными мухами. Низкий потолок, с которого постоянно что-то капает за шиворот. Дикая вонь, грязь, и все время кажется, что под ногами что-то шевелится...

К счастью, никого крупнее крыс мне по дороге не встретилось. Поэтому я относительно спокойно добралась до шлюзов, после которых широкие трубы выводили воду напрямиком к Березинке – речке небольшой, но норовистой. Для

судоходства она была непригодна, но сплавать подальше от города естественные отходы – лучше варианта не придумаешь.

Сами шлюзы, естественно, были отгорожены от тоннелей мощными решетками. Вода там была особенно грязной и поднималась уже не по колено, а почти по грудь. Но мне шиковать было некогда, поэтому я медленно двинулась в ту сторону, стараясь не думать, что за субстанция сейчас оmyвает мою рану. А по дороге в третий раз подряд принялась отращивать когти. Но то ли обстановка была нервная, то ли вода мешала, то ли бедро некстати разнылось, а может, просто из-за того, что луна потеряла силу, быстро создать когти у меня не получилось. Пришлось порядком помучиться, прежде чем на моих руках появилось что-то подобающее случаю, и я к тому времени так устала, что уже почти перестала соображать.

Впрочем, на один хороший удар сил у меня все-таки хватило. Почти сразу по подземелью прокатился мерзкий скрежет, практически слившийся со звоном потревоженной решетки. Потом его подхватило мерзкое эхо. При этом один из прутьев все же надломился у основания, а когда я ударила снова, наконец-то вывалился из решетки, подняв тучу брызг и еще больше заляпав мое и без того перепачканное лицо.

Ну что? Еще один прут – и свобода?

Тихое ворчание за спиной раздалось, как всегда, не вовремя.

Я только-только успела добить второй прут, как леденящее кровь рычание заставило вздрогнуть и суматошно обернуться. В первую секунду у меня сердце с протяжным стоном провалилось куда-то вниз, потому что вдруг показалось... на долю мгновения... что оберон меня все-таки выследил.

От этой мысли я буквально окаменела, каждый миг чувствуя на горле его железные пальцы. Успела мурашками покрыться с ног до головы, но рычание, как ни странно, все длилось и длилось. Затем к нему присоединилось еще одно такое же, донесся плеск потревоженной воды, мерзкий звук клацнувших по камню когтей, а за ним – тихое змеиное шипение.

Я с невероятным облегчением уставилась на три пары ярко-красных глаз, жадно изучающих меня из темноты.

И снова спасибо, Двуетиный. Никогда тебе не молилась, но это – намного лучше, чем ждущий снаружи оберон.

Я внимательно оглядела упругие тела, длинные розовые хвосты, острые морды с исключительным набором острейших зубов. Крысодлаки вежливо улыбнулись в ответ и снова зашипели, умело окружая меня с трех сторон, а заодно перекрывая пути к возможному бегству.

Вообще-то им было несвойственно сбиваться в стаи – слишком мала вероятность, что соседи станут делиться добычей. Да и добыча в канализации по большей части мелковата. Однако крысы-переростки хитры и достаточно сообразительны, чтобы понимать – моей скромной персоны им вполне хватит, чтобы пировать добрую неделю. Именно ради такого случая они решили объединиться и настойчиво шли по моим следам, пока я не оказалась в ловушке.

Я вытащила из ножен кинжал и прижалась спиной к решетке, лихорадочно просчитывая варианты.

Бежать отсюда некуда. Прутьев я успела выломать всего два, но получившееся отверстие неизмеримо мало даже для моей хрупкой фигурки. Чтобы сложить тело вдвое, мне потребуется время – минут пятнадцать, не меньше, потому что я устала и ослабла. Но даже если бы время было, то вряд ли мне позволят перекинуться и постепенно втянуться в узкий проем. Борьба против крысодлаков я тоже долго не смогу – нога не даст. А они уже почуяли запах крови, вон как облизываются и медленно подбираются ближе.

Эти голохвостые твари сильны, проворны, да еще их трое – на меня одну. Даже если я каким-то чудом сбегу, они не оставят меня в покое. Будут преследовать, пока я не упаду, задыхаясь от боли и слабости. В запутанных коридорах от них просто так не скрыться, да и кто знает – может, впереди ждет другая стая?

Заметив мое движение, звери подобралась, готовясь закончить эту недолгую охоту стремительной атакой, и вот тогда я все-таки решилась – резко отвернувшись, полоснула стремительно уменьшающимися когтями по третьему пруту, затем добавила кинжалами, вложив в удар максимум силы. Затем рыбкой метнулась вперед, на ходу меняя то, до чего сумела дотянуться. Безжалостно уплощая череп, сжимая плечи, ребра, таз, жутковато вытягивая пальцы... Причем нужно было сделать это быстро, пока вода давала хоть какую-то защиту.

Боль – не в счет. Какая боль, если плата за нее – моя жизнь? Главное, успеть до того, как твари вцепятся в меня и повредят что-то важное. Главное, не поддаться, выдержать, выдюжить...

Внезапно мне на спину с воем рухнуло что-то увесистое, чувствительно притопив и чуть не заставив захлебнуться. Под водой особо не разберешь, что да как, но вот чужие зубы на лопатке ощущаются, к сожалению, очень хорошо. Вторая крыса, прыгнув практически одновременно с первой, немедленно вцепилась в плечо, а третья сумела добраться до раненого бедра и жадно стиснула челюсти.

Я взвыла, забившись в мутной жиже, словно рыба в сети, и что было сил рванулась сквозь узкое отверстие в решетке. Уцепившись пальцами за прутья, буквально втиснулась между ними, на последнем издыхании меня самые широкие и тяжелые кости. А когда все-таки пролезла, то со всей возможной скоростью рванула к поверхности, тщетно пытаюсь стряхнуть с себя проклятых тварей.

Вода вокруг миглом покраснела, забурлила и почти вскипела от наших совместных метаний. Уши вскоре заложило, перед глазами поплыли багровые круги. Да и течение стало гораздо мощнее, властно увлекая нас всех в беспросветную темноту.

В какой-то миг я даже сумела вдохнуть, и это придало немного сил. Потом мне удалось стряхнуть себя одну крысу, предварительно шмякнув ее о стену. Спустя несколько минут отчаянного сопротивления течение оторвало и отшвырнуло прочь второго крысодлака. Затем куда-то смыло и третьего. А вот потом... потом я лишь смутно помню, что меня куда-то несло, швыряло в разные стороны и беспрестанно ударяло о камни. А в какой-то момент попросту выбросило, выплюнуло, причем с такой силой, что я даже не сразу поняла, что канализационная труба вела не прямо в реку, как мне казалось, а открывалась прямо над ней с немаленького обрыва.

Осознав, что падаю, я успела напоследок увидеть стремительно отдаляющиеся городские стены, черное небо, загадочно улыбающуюся луну и сверкающую далеко внизу водную гладь, падение в которую с такой высоты можно было смело приравнять к самоубийству. Но изменить уже ничего было нельзя, поэтому я просто прикрыла глаза и сжалась в комок, ожидая неминуемого удара. И вот после того, как он пришел, меня смяло, перемололо в фарш, изломало, словно детскую куклу, и...

Больше я ничего из той кошмарной ночи не помню.

Глава 3

Ночь. Тишина. Я стою на краю бездонной пропасти и смотрю на раскинувшуюся вокруг ночь. В ней, как ни странно, нет звезд, почти нет ветра и нет привычного холода вьюги. Здесь нет голосов и тревог, нет боли, страха и сомнений. А есть только крупная, неестественно яркая и безупречно круглая луна, на поверхности которой в кои-то веки не видно ни одного темного пятна.

Я просто стою и жду.

Она терпеливо ждет тоже.

И тогда я поднимаю руки и начинаю танцевать.

Я не знаю, где я и зачем. Не знаю, какой сейчас год или век. Я просто кружусь на краю обрыва и плавно танцую в льющемся сверху желтоватом свете, с каждым шагом отдаваясь от пропасти. Поднимаясь над ней, сливаясь с лунным светом, оживая и пропадая в нем, словно пылинка, попавшая в бурную реку.

А потом что-то меняется, и луна тоже оживает. Она танцует мне в такт, понимая, поддерживая и даря необъяснимое умиротворение.

В этот момент для нас нет никаких преград. Нет условностей и прежних рамок. Сегодня мы вместе. Мы – одно. Целая вселенная, заключенная в два разных тела. Да, мы очень разные, но и похожие тоже. Мы – словно два зеркала, отражение друг друга, и я откуда-то знаю, что так было всегда...

Я проснулась на рассвете, под тихий шелест листвы и беззаботное пение лесных птиц. Слабая, измученная и совершенно опустошенная. Но живая. Как ни странно, действительно живая и даже способная на членораздельную речь.

- Пить...

Я с трудом узнала свой сиплый голос, больше похожий на писк новорожденного мышонка. Но меня все-таки услышали – на мгновение вокруг посветлело, неподалеку всколыхнулась тонкая занавеска, а затем на мое лицо упала тяжелая тень.

- Очнулась, милая? – ласково спросил кто-то незнакомым голосом.

Моих губ коснулась благословенная влага, и я жадно сглотнула, едва не подавившись. Неизвестный благодетель заботливо придержал мою голову. Затем бережно уложил обратно и присел на скрипучий табурет, одновременно трогая сухой ладонью мой лоб.

Я прищурилась, стараясь разглядеть свое временное пристанище, и с некоторым трудом все-таки смогла вычленить хлипкие стены небольшого шалашика. Запоздало различила насыщенный лесной дух, смешанный с чем-то травяным и явно целебным. Затем почувствовала дуновение ветерка, принесшего ароматы цветущей черемухи. Ощутила под собой жесткое плетеное ложе, набитый сеном тюфяк, тонкий плащ, укrywший меня до подбородка. И наконец обнаружила рядом незнакомое морщинистое лицо, обрамленное длинными седыми волосами и белоснежной бородой.

- Как себя чувствуешь, милая? – спросил старик, испытующе глядя на мое измученное лицо.

Я попробовала встать, но быстро осознала, что едва могу шевелиться. Боли, к счастью, не было, но левая нога онемела от самой пятки, а тугие бинты на груди не позволяли глубоко вдохнуть.

Я слабо дернулась, чтобы проверить свои догадки, но сухая ладонь снова требовательно легла на лоб и уложила обратно.

- Не стоит. Ты еще слишком слаба.

- Где мы? – прошелестела я, смутно дивясь, что совсем не помню случившегося.

– Меня зовут Омнир, – представился старикан. – Я лекарь. Тебя мне принесли проезжие люди в надежде, что еще не слишком поздно и оборотень не успел тебя загрызть.

– Какой... оборотень?

– Ты не помнишь? – внимательно глянул на меня Омнир.

– Нет. Помню только, что упала в реку. За мной гнались... кажется. А потом меня затянуло в водоворот, и... и все. – От слабости у меня то и дело прерывался голос, но память, слава Двуетьдному, пока не подводила – крысодлаки еще долго будут мне в кошмарных снах аукаться. Вот только я не была уверена, что посторонним людям надо знать о моих злоключениях, вот и постаралась сказать не всю, а только часть правды.

Впрочем, старикан, даже если и понял, настаивать не стал.

– Тебе надо поспать, – мягко улыбнулся он. – Ты три недели качалась между жизнью и смертью. Я боялся, не справишься. Вчера вообще едва дышала.

– Ск-колько?!

Я мысленно ахнула.

Святые апостолы и все демоны Иира! Три недели! Я без сознания валяюсь столько времени, даже не зная, где и как бродит не успокоившийся после моего побега оберон?!

Мне резко поплохело от мысли, что я могла и вовсе не проснуться. Да еще и старика чуть не подвела.

– Что с тобой, милая? Плохо?

– Нет. Спасибо, что помогли. Я у вас в огромном долгу.

Омнир покачал головой.

– Признаться, я почти ничем тебе не помог. Твои раны оказались так глубоки, а кровопотеря столь обширна... Думаю, вода сыграла с тобой злую шутку, не позволив ранам вовремя закрыться. Сколько бы ты ни пролежала на берегу, а кровь до последнего не желала сворачиваться. Даже с моими травами. Кто тебя ранил, дитя?

Я устало закрыла глаза.

– Спи, – мгновенно отреагировал лекарь. – Конечно, спи. Не буду тебя тревожить.

– Да нет, я не очень хочу, – прошептала я. – Просто пытаюсь понять, но ничего не получается... не помню ни тех людей, что меня спасли, ни того, как везли меня сюда... ничего не помню... даже вас.

– Это не страшно. Главное, ты пришла в себя. – В голосе Омнира промелькнула растерянность. – Я ведь уже и не чаял тебя спасти. А сегодня ты сама открыла глаза и вдруг попросила воды. Да и раны...

Он откинул плащ, придирчиво изучил мое изувеченное бедро, которого я до сих пор не чувствовала, и озадаченно пожевал губами.

– Они выглядят гораздо лучше.

– Да? – слабо поинтересовалась я. – А полнолуние когда было?

– Вчера, – замедленно отозвался старик.

Я только вздохнула: ну вот вам и ответ. Видимо, не зря мне тот сон приснился. Но так было всегда – луна неизменно спасала меня от проблем. Однажды даже с того света вытащила, когда я по неопытности решила сцепиться с одним типом из гильдии убийц. Если бы не Рум, сумевший разбудить меня до того, как я истекла кровью, не его амулет и не полная луна, под которую я все-таки сумела выползти...

Вспомнив об амулете, я машинально дернулась и с некоторым трудом нащупала спрятанную под рубахой жемчужину.

– Я не трогал ее, дитя, – понимающе улыбнулся Омнир. – И не думаю, что смог бы забрать ее без твоего ведома – у тебя очень сильный оберег. И он слишком давно с тобой сроднился, чтобы подпустить к себе кого-то чужого.

Я удивленно моргнула.

Давно? О чем он говорит? Не могла жемчужина принять меня так быстро. Мой первый амулет целых двенадцать лет молчал, прежде чем окончательно проснулся. А тут всего три недели, и амулет действительно мой?

– Он вас не обжег? – спросила я, чтобы сгладить затянувшуюся паузу.

– Нет, дитя. Только предупредил.

– А... второй?

– Какой? Этот? – старик порылся в складках длинного серого халата и без всякого почтения вытащил на свет мой старый оберег. – Он не протестовал, когда я его забирал.

Странно... И этот повел себя неправильно. После стольких лет не мог он так просто от меня отказаться. Наша связь была крепка, мы же почти сроднились! Разве что Рум перед уходом выкачал из него силу полностью? Или же жемчужина оказалась настолько сильна, что перетянула нашу связь на себя?

Вопросы, вопросы...

– Почему я не чувствую тела? – снова не выдержала я неизвестности.

– Это пройдет, – успокаивающе пожал мою руку лекарь. – Как только силы восстановятся, ты снова встанешь на ноги...

– Эй! – запоздало спохватилась я, когда он поднялся с явным намерением уйти. – А оборотня-то вы поймали?

– Да. Он больше никому не причинит вреда.

– Это хорошо. Не должны всякие монстры без присмотра по лесу рыскать. Да еще в такой близости от столицы.

– Вот именно, – неслышно обронил лекарь и подозрительно быстро ушел.

Выздоровливала я до отвращения долго. Нет, со слов Омнира, это происходило неестественно быстро, но для меня, привыкшей уже с третьего дня после любой раны бодро скакать по крышам, две недели показались невероятно длительным сроком.

Однако задерживаться было нельзя: оберон и так дал мне целый месяц форы. Но это вовсе не означало, что он отказался от преследования. Он ведь не живой в полном смысле этого слова, поэтому не устает, не спит, не нуждается в воде и еде. Что бы ни случилось, он не отстанет, не повернет назад и никогда не отступит. Да, сейчас он потерял мой след, но рано или поздно снова его отыщет. И вот тогда меня уже ничто не спасет.

Уходить я решила на восток, подальше от Ларессы и обитаемых мест вообще. Планировала идти в сторону Мглистых гор и Летящих пиков, где чуть севернее раскинулись обширные, кишасшие упырями болота. Чуть западнее столь же вольготно росли не менее обширные, как говорят, облюбованные эльфами леса. А между ними находилось то единственное место, где крылатый вурдалак меня не отыщет. Надежное, опасное и пугающее для большинства обывателей... одним словом, я вознамерилась добраться до Кровавой пустоши.

Почему именно туда?

Потому что рядом с пустошью, как говорят, не срабатывала обычная магия. А магический фон там был настолько насыщенным, что нарушал структуру любых заклятий, безнадежно портил артефакты и сбивал с толку следящие амулеты. Там же безвозвратно теряли след магически созданные ищейки, поэтому именно туда стремились сбежать из Симпала самые закоренелые преступники. И именно там у меня был шанс скрыться от оберона.

Идти, разумеется, пришлось пешком – своей лошади у старика-лекаря не было. Денег, чтобы купить ее по дороге, у меня тоже не осталось, но народ в Симпале в большинстве своем отзывчивый, понимающий, на дорогах здесь было принято помогать друг другу, поэтому при случае можно было попроситься на телегу к

какому-нибудь разговорчивому селянину. Или прибиться к бредущему в город каравану.

Без Рума, конечно, было тяжело – приходилось верить людям на слово и полагаться на непроверенные сведения. Однако мой маленький шпион до сих пор не объявился, хотя я упорно звала его каждый вечер. Шептала в тишине его имя, настойчиво просила вернуться. Иногда мне казалось, что он меня все-таки слышит, потому что пару раз я тоже что-то чувствовала – так, будто и он пытался пробиться сквозь завесу своего загадочного мира, но по какой-то причине у него не получалось вернуться. Поэтому я беспокоилась: ворчливый дух был мне дорог, и я очень хотела бы его вернуть.

– Где же ты, Рум? – в который раз шепнула я и, обхватив руками колени, уставилась на догорающий костер.

Но хранитель и на этот раз не отозвался, поэтому засыпала я плохо и, как обычно, одна.

Может, кто-то скажет, что ночной лес – не лучшее место для девушки. Дикие звери, холодный ветер, неприкаянные призраки, разбойники, которых еще не всех повывели вдоль оживленного тракта... да мало ли опасностей в нашем мире? Говорят, в южных странах еще процветает рабство. В северных землях обитают племена, с удовольствием попробовавшие бы мое нежное мясо на вкус. По тем же самым дорогам до сих пор бродят свирепые оборотни. Где-то там, за лесами, за горами, обитают не только упыри, но и настоящие вампиры...

Но я – одиночка по натуре, поэтому долго чужое общество выносить не могу. Да и не стремлюсь к компаниям, если честно. Для общения мне вполне хватало Рума, а для моих дел компаньоны тем более не нужны. Особенно тогда, когда я так часто меняю внешность.

Кстати, о внешности... сейчас у меня было неприметное лицо с мелкими и незапоминающимися чертами. Абсолютно черные волосы, которые я в кои-то веки решила отрастить до середины спины. Еще появилась густая челка, падающая на глаза и скрывающая их неестественный блеск. Смуглая кожа, тонкие пальцы и худощавая фигура, не привлекающая к себе излишнее внимание.

Конечно, наилучшим вариантом было бы перекинуться в нечто совсем уж на меня непохожее. Например, в неоформившегося подростка, старую матрону или вообще взять и сменить себе пол. Но, во-первых, прыщавый недоросль, в одиночестве бредущий по пустому тракту, будет вызвать подозрения. Во-вторых, противной бабкой я была и давно сообразила, что престарелая попрошайка вызывает еще больше неприязни, чем полная сил, но некрасивая молодка. Ну, а в-третьих, в мальчика я тоже как-то решила перекинуться и, надо сказать, результат меня не впечатлил.

В итоге я остановила выбор на невзрачной замухрышке. И, уже засыпая под сенью раскидистого дерева, со странным чувством подумала, что, наверное, так и буду всю жизнь прятаться за такими вот серыми масками. Непрерывно куда-то бежать, шарахаться от каждой тени, бесконечно менять лица и одновременно настойчиво убеждать себя, что это – правильно. Что так надо и у меня просто нет иного выбора.

Да. Я буду бежать до скончания веков, но никогда так и не признаюсь, что не оберона я больше всего боюсь в этом мире. Что не от него так спешно бегу. Вовсе не от него постоянно прячусь под сотнями личин, отворачиваюсь от зеркал и избегаю даже мимолетного взгляда на блестящую поверхность. Нет, не смерти от его клыков я так страшусь. И не того, что в одном из этих образов он вдруг почует мой странный запах.

Вовсе нет.

На самом деле я смертельно боюсь своего отражения, но об этом никогда и никому не скажу.

В торговый город Тирилон я вошла на исходе второй недели после того, как распрощалась со старым лекарем. Вошла не по причине того, что устала. О нет, у меня просто-напросто закончились деньги. Последнюю медную монетку из числа тех, которыми поделился со мной Омнир, пришлось отдать вчера за постой. И вот теперь настало время заглянуть в первый попавшийся город, затерявшись в толпе таких же плохо одетых людей, до которых никому не было дела.

Правда, мне показалось странным, что народу у ворот оказалось так много, но потом выяснилось, что на днях здесь откроется традиционная весенняя ярмарка, и удивляться я перестала. К тому же ярмарка для вора – это настоящее раздолье, поэтому, оказавшись в городе, я первым же делом устремилась на ближайший рынок и всего через четверть часа стала счастливой обладательницей нового (не пустого, разумеется) кошелька.

Денег в нем оказалось не ахти как много, но на завтрак в дешевом трактире их вполне хватило. Второй заход оказался более удачным, благодаря чему я смогла купить новую одежду и кучу дорожных мелочей, которых мне так не хватало раньше. На третий заход в этот день я уже не пошла – стража на рынке, слышав крики, и так насторожилась. Вместо этого я отыскала первый попавшийся постоялый двор, сняла самую дешевую и невзрачную комнатку под чердаком. Скромно пообедала. Отдохнула, поспала. И лишь с наступлением ночи, переодевшись, выбралась на крышу.

Как вскоре выяснилось, в Тирилоне не было деления на Верхний и Нижний уровни: слишком маленький город, чтобы позволить себе такую роскошь. Дома бедняков и состоятельных купцов стояли вперемешку, ухоженные садики чередовались с заброшенными пустырями, а новенькие постройки – с безобразными кучами мусора.

В хорошем темпе оббежав район и составив список из возможных «клиентов», я наконец остановилась передохнуть, при этом кощунственно забравшись на крышу единственного в городе храма, где укрылась в тени одного из золоченых куполов.

Надо сказать, с Двуетиным у меня довольно запутанные отношения, а началась эта путаница ровно в тот день, когда мою правую руку чуть не отделил от тела топор палача. Мне тогда исполнилось пятнадцать. Палач мне показался жутко страшным, его топор – еще страшнее, поэтому я со страху сделала то единственное, что могла в сложившейся ситуации – извернулась и цапнула зубами держащую меня руку. Палач от неожиданности ругнулся и разжал пальцы. Я, едва почуяв свободу, кинулась бежать. Толпа, собравшаяся поглазеть на казнь, вместо того чтобы меня остановить, почему-то расступилась, благодаря чему я благополучно умчалась с площади и, опасаясь преследования, решила спрятаться в единственном показавшемся мне безопасном месте. В храме, где, как мне подумалось, меня не выдадут.

И в первые дни все действительно было прекрасно. Меня приютили, накормили, успокоили. Ко мне чуть ли не впервые проявили понимание и участие. Обо мне позаботились. Меня выслушали и обнадежили. Причем настолько, что всего через несколько дней я даже начала подумывать о прекращении карьеры воровки и о том, чтобы начать чистую, светлую, исключительно праведную жизнь. Даже стала посещать ежевечерние мессы во славу Двуединого. Прониклась словами его жрецов. Выучила несколько молитв и с совершенно детским восторгом получила несколько благословений, коснувшихся лба морщинистой рукой старого настоятеля.

И все было бы прекрасно, если бы в один из вечеров приметивший меня жрец не завел долгую беседу о спасении души. Не на виду, конечно, а в одном из затемненных альковов, коих при храме всегда имелось великое множество.

Я долго внимала неторопливой речи служителя, согласно кивала, принимая на веру тот бред, что нескончаемо лился в мои уши. И уже почти увидела себя в радужном сиянии откровения, как вдруг почувствовала пониже спины вспотевшие от возбуждения руки, наткнулась на масляные глазки старого сластолюбца и разом вернулась на грешную землю.

С тех пор храмы я не люблю, хотя и воровать оттуда никогда не пыталась. А наши отношения с Двуединым так и остались натянутыми, поэтому сегодня я без всякого трепета устроилась на золоченой крыше и, свесив ноги, уставилась на ночной город, прикидывая про себя, с кого бы начать. Однако прежде чем я определилась с целью, меня отвлекли сильный грохот, чей-то недовольный рев и грохот колес, который был способен нарушить мои планы.

Недолго поколебавшись, я все-таки перебралась повыше и довольно быстро определила источник шума – им оказался тяжело нагруженный караван, который как раз заводили на расположенный неподалеку постоялый двор.

Это было странно – обычно городские ворота закрываются довольно рано и до утра их просто так никому не откроют. Интересно, что это за люди, для которых сделали исключение? Почему прибыли так поздно? И почему, загружаясь на постоялый двор в довольно престижном районе, не считают обязательным соблюдать тишину?

Поддавшись любопытству, я покинула храм и, добравшись до нужной улочки, вскарабкалась на крышу ближайшего дома, откуда открывался прекрасный вид на тот самый двор.

Хм. Караван довольно большой, шесть крытых повозок, пять обычных, хоть и тяжелогруженных телег, плюс целая куча народа, которая суежилась возле последней, накрытой толстой дерюгой, телеги, где стоял какой-то короб. С ним-то у них дело и не заладилось – едва двое мужчин взялись за дышло и попытались развернуть повозку, чтобы пристроить ее к стене амбара, как из-под плотной ткани донеслось угрожающее ворчание.

– Проснулся, ирод, – сплюнул один из мужиков, предусмотрительно убрав руки подальше. – Чтоб тебя демоны на том свете заели!

– Заткнись, скотина, – буркнул второй. – А то как вмажу по ушам, и будешь полночи ожоги зализывать.

Ворчание в ответ стало громче и приобрело зловещие нотки.

– Ну-ну, – хмыкнул третий, берясь за дышло. – Думаешь, хозяин нам хоть слово скажет? Не-ет, тварь, он нам еще и доплатит, что урок смирения тебе дали. А то и присоединится, чтобы ты запомнил, где можно зубы показывать, а где лучше заткнуться. Бодун, тащи давай, а то до утра провозимся! Да не бойся, оттуда он не достанет. Только зубами пощелкает да затихнет.

Невидимый зверь люто царапнул деревянное дно повозки, а потом вдруг огласил сонную округу таким бешеным ревом, что я наконец сообразила: под тентом спрятана огромная клетка. Кажется, даже стальная, потому что больно уж тяжело шла повозка. Но додумать эту мысль мне не дали: почти сразу массивная клетка содрогнулась от мощного удара изнутри, телега заходила ходуном, угрожая развалиться прямо тут, во дворе. Отскочившие от нее грузчики огласили ночь смачными проклятиями, из-под накинутой ткани что-то коротко полыхнуло, а поливаемое отборной бранью животное с болезненным стоном упало на пол.

На улице остро запахло паленым.

– Что у вас происходит? – властно спросил новый голос, и рядом с атлетами возникла невысокая фигура в темном плаще с низко надвинутым капюшоном. – Чего не поделили? Уроните клетку – шкуры спущу!

– Простите, хозяин, но этот монстр все еще сопротивляется!

– Ничего, деваться ему некуда, – усмехнулся владелец балагана, мельком оглядев содрогающуюся повозку. – Я не для того потратил почти сотню золотых на услуги мага, чтобы лишиться такого славного трофея.

– Кого вы сюда привезли? – хмуро осведомился выглянувший на шум пузатый трактирщик. – Никак упыря словили?

– Оборотня, чтоб его... – зло сплюнул один из громил. – Господин Ригл за ним несколько лет охотился, а теперь возит по ярмаркам, чтоб народ видел, какие твари бродят по нашим лесам и жрут ни в чем не повинных путников.

– Оборотня?! – оторопело уставился на телегу трактирщик, где невидимый зверь продолжал ворчать и шипеть, будто разъяренный кот. – Да как же вы его поймали, если, говорят, он рвет даже стальные цепи толщиной в руку?! А ну как перекинется снова?! Или вырвется ненароком?! Совсем с ума сошли – привозить это чудовище в город?!

Хозяин телеги откинул капюшон, открыв утонченное лицо с тонкими черными усиками и пронзительными серыми глазами, которые почти пропадали за длинной челкой, небрежно упавшей на лоб.

– Повода для паники нет, уважаемый господин Лир. Защита абсолютно надежна. На прутья наложено заклятие, стоившее мне целого состояния, а на двери висит гномий замок, защищенный такими чарами, что они способны удержать даже демона. Что же касается оборотня, то я специально вплавил в железо немалую толику серебра, не позволяющую ему принять человеческий облик. Но даже в зверином обличье он не способен выбраться на волю, хотя, надо сказать, пытается сделать это почти каждый день. Можете сами убедиться.

Господин Ригл приблизился к злополучной повозке и рывком сбросил с нее дерюгу, открыв неверному свету факелов мощную клетку с довольно тонкими прутьями, стальной дверцей, на которой висел внушительный замок, стальным

же полом, устеленным деревянными досками, и решетчатым потолком. В ней легко поместился бы взрослый медведь, вздумай кто загнать его в эту железную тюрьму, но для припавшего на лапы зверя она была явно маловата.

Оборотень оказался невероятно крупным, покрытым короткой черной шерстью чудовищем, которое даже так – сжавшись и подобрал под себя лапы, – едва не задевало боками прутья, а круглыми ушами – низкий потолок. Крупная голова с оскаленной пастью, красное жерло глотки, треугольный нос с непрерывно шевелящимися ноздрями, длинные усы, от которых остались только обгорелые кончики. Гибкое и невероятно сильное тело. Острые когти, то выстреливающие из мягких подушечек лап, то снова пропадающие. Бархатная шкура, покрытая жжеными подпалинами, гуляющие под кожей мышцы, длинный мохнатый хвост...

Я удивленно распахнула глаза: странный зверь совсем не походил на тех оборотней, что мне доводилось видеть на картинках. Это был не волк, не медведь, не гиена и даже не вепрь! Скорее, я назвала бы его котом, если бы он не был таким огромным и если бы не потрясающе насыщенный черный цвет шерсти, который, вкупе с бешеным рычанием, делал его похожим на самого настоящего демона. Что, кстати, он немедленно и доказал: распахнув жуткую пасть, неожиданно с фантастической скоростью прыгнул на ненавистного человека. Просто сиганул с места и ударил, причем с такой силой, что на миг мне показалось – он справится, пробьет ее своим телом и все-таки вырвется на свободу.

И так казалось не только мне: при виде этого страшилища трактирщик с воплем шарахнулся прочь, стоявшие рядом с клеткой мужики тоже опасливо отступили. А вот тонко улыбнувшийся господин в плаще даже не дрогнул. Тогда как оборотень всей массой налетел на прутья и...

Я поморщилась от яркой вспышки, полыхнувшей в ночи, как огромный костер. Даже отвернулась, чтобы не ослепнуть, и на всякий пригнула голову, опасаясь, что меня заметят. Однако на меня никто не смотрел – все взгляды были обращены к громко взывшему зверю, которого, словно кипятком, обдало магической вспышкой, отшвырнуло на прутья и только после этого бросило на деревянный пол.

Я сглотнула, запоздало различив защитное плетение, окружающее клетку, и только сейчас окончательно поверила, что она, пожалуй, сдержит любое живое

существо. Потому что каждое касание к ней приносило зверю невыносимую боль, обжигало огнем, оставляя на гладкой шкуре глубокие ожоги и вынуждая тихо выть, корчась на полу этой идеальной тюрьмы.

– Вот так, – бесстрастно заметил хозяин, равнодушно следя за мучениями оборотня, которого скрутила жестокая судорога. – Надеюсь, теперь ты угомонишься и дашь этому городу спокойно заснуть? Или мне добавить?

Из клетки донесся бешеный рык.

Господин Ригл пожал плечами и, вынув из-за голенища небольшой стальной прут длиной в руку и толщиной чуть меньше моего пальца, бесстрашно шагнул вперед и несильно ткнул им в тяжело вздымающийся бок. Там что-то громко зашипело, задымилось, черная шерсть мгновенно обуглилась и обнажила живую рану, из которой во все стороны брызнуло красным.

Оборотень дернулся, захрипел, пытаясь отползти в сторону, но тесная клетка сжимала его со всех сторон, не давая ни малейшего шанса избежать этой пытки. Он отпрянул в угол, но тут же обжегся о прутья вторым боком, устало зашипел, но не сдался – спустя два удара сердца, во время которых Ригл так и держал свой прут у его холки, вдруг безо всякого предупреждения взвился на ноги и снова прыгнул.

Я отвернулась и до крови прикусила губу, не желая больше на это смотреть. От нового рева, в котором отчетливо звучала боль, у меня сжалось сердце и похолодели пальцы. Уши на мгновение заложило, а запах горелого стал таким сильным, что я прижала ладонь ко рту и судорожно вдохнула, стараясь не думать о том, чего оборотню стоил второй бросок. От его прыжка клетка снова содрогнулась до основания, потом раздался звук очередного тяжелого удара, измученный стон, отвратительное шипение и слабый скрежет когтей по дереву.

– Упрямый, – опасно произнес трактирщик, глядя на бессильно распластавшегося зверя. – Не бойтесь, что отомстит?

– Каким образом? – удивился господин Ригл. – Дверь ему не открыть, ключ я надежно спрятал, да и зачарована она только на одного хозяина. Каждый, кто тронет замок без разрешения, мигом отправится в мир теней. Через решетку он не пролезет, а сломать эту сталь не сумеет даже гномий топор. Нет, уважаемый,

этот монстр будет сидеть тут до конца своих дней. Или пока не сдохнет, или пока мне не надоест его кормить... Так, хватит. Тащите телегу в сторону и не уроните клетку, а то мне не хотелось бы лечить эту тварь от лишних ожогов.

Хозяин отвернулся и ушел в дом, пряча в сапог свой зловещий стик, а его подопечные с руганью принялись ворочать тяжелую повозку, пытаясь приставить ее как надобно. Трактирщик пару минут за ними понаблюдал, но убедился, что никакой опасности от злобного монстра не исходит, и успокоенно отправился восвояси, помахивая грязным полотенцем и окликая снующих по кухне служанок.

Я же сидела на крыше довольно долго, с трудом приходя в себя от увиденного. Сердце все еще бешено колотилось, в ушах так и стоял рев замученного живодером зверя. Запах паленой шерсти до сих пор не развеялся в воздухе, и мне даже показалось, что оборотень слишком тесно прислонился головой к проклятой дверце, отчего его левое ухо все еще отчаянно дымит. Но у него, видимо, не осталось сил даже на то, чтобы просто отползти подальше. Если вообще в этом могучем теле еще теплилась жизнь.

Оборотень не двигался и почти не дышал. Кажется, магическая сеть забрала у него слишком много сил. Он не пошевелился даже тогда, когда мужики неуверенно взялись за дышла и осторожно закончили двигать старую телегу. Он просто этого не заметил. Лишь безжизненно перекатился по деревянному полу и едва слышно застонал. И от этого звука у меня все внутри заледенело.

Конечно, я не знаю, сколько народу успело пострадать от его зубов. Даже представить не могу, как много людей он погубил. Каким он был человеком и так ли жесток по натуре, как его вторая ипостась, но даже если он - кровожадный людоед, злобный монстр или воплощенное зло, то все равно не заслужил этих пыток. Никто их не заслуживал. Ведь если он на самом деле так опасен - убей. Если провинился и стал неуправляем - найди и казни, как казнят обычных преступников. Отруби голову, закопай и забудь о том, что когда-то это чудовище приносило невинным людям боль и ужас. Но мучить, резать, калечить и жечь по живому - это неправильно. Не по-людски. И даже тогда, когда понимаешь, что клеймо оборотня - это навсегда, и он уже никогда не станет другим.

Я терпеливо дождалась, пока двор полностью опустеет, и осторожно, стараясь не потревожить черепицу, убралась с крыши, пытаясь не думать о замученном

зверю, которого перед уходом мужики потыкали палкой в бока и, убедившись, что он не очнулся, снова накрыли клетку плотным тентом. Ни еды, ни воды ему не принесли. Никто даже ранами его не озаботился. И все это было настолько мерзко и гадко, что я поспешила уйти, успев сто раз пожалеть, что вообще сюда приходила.

Уже втискиваясь в узкое окно арендованной комнатки, я расслышала тяжелые шаги и бухающие удары в дверь. Удары, видимо не первые, потому что деревянная створка опасно прогибалась и дрожала так, словно вот-вот готова была развалиться.

– Эй, стерва! Я знаю, что ты не спишь! Открывай, кому говорю, а то сломаю к такой-то матери!

Я поморщилась, мысленно посетовав, что не выбрала в качестве жилья более приличный трактир. Торопливо спрыгнула на пол, на цыпочках подкралась к двери и поспешно отпрянула, когда ее сотряс новый удар.

– Открывай, шлюха! Серебрушка за полчаса, потому что, клянусь Ииром, большего ты не стоишь! И не строй из себя недотрогу! Открывай! Я хочу веселиться!

Хм. Судя по несчастной двери, неизвестный воздыхатель довольно здоровый. А еще пьян не в меру и откровенно озабочен. Послать его? Ага, а он доломает мне засов. Сбросить с лестницы? Нет, мне нельзя привлекать к себе внимание. Позвать хозяина? А вдруг толстяк тоже в деле и неведомый крикун торчит тут с полного его ведома и согласия? Тогда что? Впустить? А потом спрятать труп под кроватью, надеясь, что он не станет смердеть слишком сильно?

Нет, я не настолько жестока. Скрутить-то я его точно скручу. Ну пару костей могу сломать, несмотря даже на то, что в три раза тоньше и с виду слабее. Могу штаны порвать. Морду разбить. А толку? Если засвечусь, придется уходить, а я еще не закончила работу.

Я вздохнула и, отодвинув засов, рывком распахнула дверь, одновременно отступив в сторону и пропустив мимо себя ввалившегося внутрь громилу.

Ну да, так и есть – здоровенный нетрезвый тип в грязных подштанниках и с пузатой бутылкой в руке. Второй он схватился за пояс, поддерживая спадающие штаны, а едва переступив порог, не удержался на ватных ногах и с грохотом рухнул на пол, до кучи расколошматив об него бутылку и расплескав по всей комнате вонючее пойло.

– Ик... э? – с трудом сфокусировались на мне разъезжающиеся глаза на угрожающе красном лице.

Да уж, знатная у него оказалась харя – круглая, с глазками навывкате, с мясистым носом и вывернутыми губами. Уши маленькие, прижатые к голове. Грудная клетка не меньше пивного бочонка, а волосатый живот опасно натягивает широкий кожаный ремень, непрозрачно намекая на то, что его хозяин уже очень давно практиковал неумеренные возлияния.

В соседнем коридоре слышались тяжелые шаги.

– Кто вы? Что вам нужно? – проблеяла я, надеясь, что угадала.

– А... это... а где шлюха? – завертел головой посетитель, сидя на заднице и удивленно глядя на закутанную в простыню меня – маленькую, дрожащую, несчастную. – Мне сказали, что тут есть шлюха!

– Нет! – пискнула я, настороженно прислушиваясь. – Вы ошиблись! Оставьте меня в покое!

Верзила помотал головой, но потом в его затуманенных мозгах, ослепленных вином и жаждой приключений, мелькнула мысль, что я тоже ему сгожусь в качестве шлюхи. От этой идеи он просиял и, опасно пошатнувшись, поднялся на ноги, нависнув надо мной горой и протянув руки к моей неказистой одежде.

Я снова вздохнула и, набрав побольше воздуха в грудь, оглушительно завизжала, вложив в этот вопль все актерское мастерство, какому меня только смогла научить наставница по воровскому мастерству – старая цыганка Нита. Кажется, неплохо получилось, потому что громила ошарашенно замер; на втором, а потом и на первом этаже с кроватей с грохотом попадали постояльцы. Одинокая свечка на столе испуганно затрепетала. Мне даже показалось, что на кухне посуда задрезбуждала, а дворовый пес от неожиданности подскочил в

своей будке и завыл со мной в унисон.

В тот же момент в узком коридоре нарисовался обеспокоенный трактирщик с одним из своих сыновей. Быстро оглядел комнату, правильно расценил выражение моего лица, увидел пьяного нарушителя, все еще не пришедшего в себя от мощного звукового удара. Заметно помрачнел, побагровел. Его сынок, получив знак, хекнул и неуловимо быстро замахнулся, отчего незадачливого домогателя просто вынесло в коридор, где и ударило о противоположную стену. После этого бедолага красиво сполз на грязный пол, вяло дрыгнул ногой и затих, трактирщик сплюнул, его сын буркнул что-то неразборчиво, а у меня, наконец, закончился воздух в легких.

Только после этого в таверне наступила неестественная тишина.

- Ты... это... в порядке? - неловко кашлянул хозяин, отводя глаза.

Я жалостливо всхлипнула, а потом со всем тщанием разрыдалась, попутно просчитывая ситуацию и старательно фиксируя даже малейшие колебания чужого лица, неуловимый блеск глаз, легчайшее дрожание губ и даже силу, с которой этот человек сжимал мои плечи.

Но обошлось. Похоже, трактирщик поверил в мои слезы, потому что расслабился, пробормотал что-то успокаивающее и с участием погладил мою спину. Затем помог подняться, бережно довел до разворошенной постели, проследил, как я забираюсь под тонкое одеяло и размазываю по лицу фальшивые слезы. Немного поколебался, но все-таки пообещал оставить слугу неподалеку от моей двери, чтобы больше не обидели.

Что ж, учту на будущее. И, пожалуй, не буду менять пока комнату. Трактирщик меня запомнил. Верзила, сам того не зная, обеспечил мне нужную репутацию. Поэтому, когда по городу пройдет череда дерзких краж, на меня не ляжет косой взгляд. И хотя бы в ближайшее время я смогу спокойно работать.

Крики бойких мальчишек я услышала задолго до того, как оказалась рядом с рыночной площадью. Расположение улиц и наиболее важных построек я после ночной прогулки хорошо представляла, поэтому мне не составило труда добраться до нужного места. К тому же с рассвета все пространство площади превратилось в огромный базар, и большая часть местных жителей устремилось именно на него, отчего на время эта часть города превратилась в бурлящее людское море.

Здесь были и разодетые матроны с поистине угрожающими формами, и смазливые девицы, выведенные строгими нянюшками на прогулку. И босоногие дети, вечно путающиеся под ногами. И дети познатнее да посерьезнее, чьи глаза, впрочем, блестели таким же азартом, что и у бедняков. Носиться они, правда, не носились, а степенно выступали под присмотром охраны и воспитателей, но на леденцы и плюшки посматривали с неменьшим интересом, а от устроенного бродячими артистами аттракциона под открытым небом их и вовсе было не оторвать.

Я же выбралась в город ближе к полудню. Как раз тогда, когда основные покупатели уже отоварились, большая часть привезенного добра оказалась распроданной, а часть горожан, устав от шума, уже потянулась обратно к своим домам. Бурлящие с самого утра страсти тоже поутихли, продавцы явно подустали и теперь сыто жмурились. Покупатели блаженно оценивали новые приобретения. Светило солнышко, дул легкий ветерок, а среди довольного жизнью люда все чаще и чаще встречались обладатели полных до неприличия кошельков.

От увлекательного разглядывания очередной туго набитой кошны меня отвлекла стайка мальчишек, с огромной скоростью промчавшаяся в сторону второй по размеру площади города – Круглой. Она была чуть меньше рыночной, гораздо менее популярной, зато в ее центре журчал веселый фонтанчик, по краям стояли скамейки. А вокруг собственно площади возвышались дома крепких середнячков, составляющих основной костяк местной знати, под окнами цвели целые охапки ранних цветов.

Впрочем, не это привлекло сюда посетителей.

– Оборотень! Идите поглядите на оборотня!!

Я вздрогнула и завертела головой, однако босоногая детвора уже умчалась, будоража по пути горожан.

- Оборотень! Вы слышали? Кто-то поймал у нас в лесах оборотня!

- Какой еще оборотень?

- Да их тут отродясь не было!

- Точно вам говорю! Оборотень это! Такое страховидло ни с чем не перепутаешь!

Народ заволновался, заозирался, будто пытался высмотреть злобное чудище за ближайшим поворотом. Кто-то заторопился прочь, но для большинства любопытство оказалось сильнее страха. Да и полдень сейчас – каким бы страшным оборотень ни был, он не сумеет перекинуться посреди бела дня. Все знали: лучшее время для волкодлака – это полнолуние, а до него еще целых три дня осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Элитная часть столицы.

2

Густонаселенные, но преимущественно бедные районы столицы.

3

Магически выведенные существа, внешне напоминающие собаку, но с вытянутой, как у крысы, мордой.

4

Мифическое место, обиталище демонов.

5

Ночные демоны. Очень редкая и дорогая разновидность магических существ.

6

Широкая горная гряда, по легенде – место, где обитали демоны Иира.

Купить: https://telnovel.me/lisina_aleksandra/vorovka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)